

Возвращение в Коктебель

Елена Катасонова

- [Катасонова Елена](#)

-

Катасонова Елена

Возвращение в Коктебель

Елена Катасонова

Возвращение в Коктебель

(История одной любви)

Часть первая

Здесь все теперь воспоминанье,

Здесь все мы видели вдвоем,

Здесь наши мысли, как журчанье

Двух струй, бегущих в водоем.

Максимилиан Волошин

1

Давным-давно не была она в Ялте - лет пятнадцать уже. Да, точно: это было весной, в марте семьдесят шестого, до новой эры, именуемой перестройкой. Впрочем, к концу восьмидесятых слово это - неблагозвучное и на слух неприятное, уклончивое и лукавое, как сам Горбачев, - так всем обрыдло, что неблагодарный народ даже из анекдотов его повыкидывал, заменив терминами более к ситуации подходящими. Они звучали теперь на всех перекрестках - не как брань или там речения бомжей, а как нормальные, рутинные определения жизни, хотя если вдуматься... Но никто уже ни во что не вдумывался, все куда-то спешили, торопясь кто что урвать: в воздухе явственно пахло грозой. И только поколение шестидесятников - к нему и принадлежала Натка, - это уходящее, обманутое во всем, новой жизнью презируемое, ей не нужное поколение, молча сжималось, проходя сквозь строй чудовищных, неудобоваримых фраз, не могло, не хотело с ними смириться. Молодежь же употребляла мат легко и свободно, вместо точек и запятых, запросто заменяя глаголы, тужась выразить то, что прежде - умора! именовалось чувствами.

- Замолчите! Как вы можете? - не выдержала однажды Натка, и могучий парень в метро глянул на нее в изумлении: чегой-то тетка так взбеленилась? Глянул - и пошел себе дальше, все так же непринужденно беседуя с другом.

Нет, правда, даже на заводе, где уже долгие годы работала Натка, так, ей-богу, не выражались - при женщинах, во всяком случае, которых теперь все чаще называли дамами, но в выражениях при них не стеснялись. Впрочем, и юные дамы от кавалеров своих не очень-то отставали.

Этот самый завод и отправил теперь Натку в осеннюю Ялту: дочернее предприятие что-то там хитрило, приписывало, укрывало и недописывало. И клянчило, клянчило - то одно, то другое - у ежедневно проклинаемого, ненавистного центра. Скоро Ялта вообще окажется в другом государстве, и завод - филиал московского, всей страной построенный - со всей его уникальной начинкой отчалит на Украину. Только кто ж мог такое предвидеть? Государственные умы - и те не догадывались, а уж Натка...

- Разберись там с ними, - сказал начальник, бывший сокурсник. - Ты у нас умница. Разберись! - И протянул пакет с документами.

Натка над бумагами посидела, подумала, и некоторые въедливые вопросы были уже наготове. Ах, знать бы тогда, что все зря, не нужно, поздно, бессмысленно! Был канун разгрома, взрыва, развала, вселенского хаоса - на одной шестой части суши, - а такие, как

Натка, делали и делали свое дело, и, надо признать, довольно успешно. Но все их труды, достижения и успехи растворялись в огромной, неуклюжей державе, все летело в один бездонный котел, все было тщетно...

В Симферополе Натка дождалась троллейбуса, и по мокрому, извилистому шоссе он плавно покатил в Ялту - с достоинством, не спеша, подолгу задерживаясь на остановках, подкрадываясь все ближе к горам, а потом, словно играя, от гор отдаляясь. Уже стемнело, когда он устало подкатил к вокзалу. Натка вышла, распрямила затекшую от долгого сидения спину и расслабленно, утомленно пошла через весь город в гостиницу, с наслаждением вдыхая легкий запах какой-то особой свежести - как раз накануне в горах выпал снег - и нежных, ей не знакомых цветов. Их призрачный, как во сне, аромат вплетался в дуновение далекого снега, и наслаждение было столь острым, что Натка на мгновение даже зажмурилась. Потом остановилась, поставила на асфальт сумку, сняла с головы платок - каштановые волосы теплой волной рассыпались по плечам - и сунула его в карман плаща.

Она шла и шла и все оглядывалась на спокойную, округлую гору: огоньки резво бежали по ней выше и выше, а на самом верху светился редкий в этих краях снег. Здесь же, внизу, ревело, ярилось море, с грохотом набрасываясь на парапет, чтобы тут же, с шипением волоча за собой гальку, откатиться назад и снова ринуться в нескончаемый бой с мокрой гранитной набережной.

В "Украине" царили покой и тишина. В татарском внутреннем дворике сразу вспомнился Пушкин - таинственно журчал тонкой струйкой фонтан, одуряюще пахло невидимыми во тьме цветами.

- За вас заплачено, - любезно сообщила пышногрудая блондинка. Здесь, на юге, она, наверное, слыла красавицей.

"Кем заплачено?" - испугалась Натка и тут же сообразила: теми, кого приехала проверять.

- Нет-нет, я сама, - покраснела она и зачем-то добавила: - Мне и квитанция нужна, в бухгалтерию.

- Ну, квитанцию мы вам дадим, - понимающе улыбнулась блондинка, но гостя уже протянула деньги.

- А как же... - растерялась блондинка.

- А как хотите, - нелюбезно отрезала Натка.

Ай-я-яй, какая же она глупая! Как постыдно неисправима! Придет время, и сам мэр Москвы объявит во всеуслышание, что взятки - это просто добрые отношения, некая благодарность приличных людей друг другу. Это когда речь пойдет о сотнях и тысячах - и не рублей, долларов! - а тут какие-то смешные гроши! Глупая, глупая Натка! Нет, не вписаться ей, дурочке, в рынок со старомодной ее щепетильностью, разве что изобретения ее понадобятся. А ведь вся жизнь прошла в блатной, криминальной стране, могла бы, кажется, научиться...

- Вы впервые в Ялте? - сразу спросили ее на заводе.

- Была. Лет пятнадцать назад.

- Ну, это уже не считается! Повозим вас по нашим местам, посмотрите Воронцовский дворец, Ливадию, может, даже и Севастополь. А "Долину сказок" видели? Ах, что ж это мы! Ее тогда и в помине не было!

- Сначала займемся делами.

- А главный наш в Симферополе, будет, кажется, завтра, нет, послезавтра. Специально

звонил: просил вас развлечь. Он и машину выделил!

Без главного делать действительно было нечего, и Натка поколебавшись уселась в черную ведомственную машину. "Долина сказок" оказалась прелюдией к праздничному обеду - в горах, высоко, в стилизованном под саклю домике. Да уж, прием был устроен на славу - в честь высокого московского гостя! В лучших традициях прежних лет. Даже поросенок с хреном. А уж про коньяк, икру, балычок нечего и говорить!

Знали бы принимающие, что все зря, не нужно, вот-вот все изменится. Только кто ж это знал? Никто, пожалуй...

- Спасибо, не пью, - торопливо сказала Натка, на всякий случай прикрыв рюмку ладонью. - Мне - боржоми.

Только это и смогла отстоять: спиртное к чему-то - к снисходительности скорее всего - обязывает. Впрочем, в заслугу себе этот гордый отказ поставить она не могла, потому что не пила в самом деле, вкуса хороших вин совершенно не чувствовала, а от водки у нее тяжелели ноги, раскалывалась голова, ужасно хотелось спать и портилось настроение. Так что гордиться особенно было нечем.

Далее по программе были Воронцовский дворец и Ливадия, где они шли и шли бесконечными ступенями вверх - к "Царской тропе", к запахам лаванды и хвои, и где Натке торжественно вручили великолепные, для иностранцев, открытки. Потом был роскошный, цветущий и в ноябре Никитский сад. Ну, скажите, разве такие мелочи можно назвать взяткой? Так, намек отнестись благосклонно... Да и сопровождающие были рады задарма прогуляться.

Через день приехал наконец главный, и они уселись за стол сражаться. Времени было в обрез, на что главный как раз и рассчитывал. Однако рассчитывал он напрасно: Натка пребывание свое продлила и кое-что, если не все, доказала, а главное - многое поняла.

Она, конечно, всех огорчила - какая все же неблагодарная! - но в аэропорт ее на той же черной машине доставили и в последнюю минуту, чуть не у трапа, вручили аккуратный деревянный ящичек и бутылку, завернутую в грязноватую старую газету.

- Что это?

- Яблоки. Из Никитского. А это - "Массандра". Не та, что для всех, а настоящая, из подвалов.

- Но я не могу...

- Берите, берите, что уж теперь-то?

И Натка смутилась перед этим их провинциальным южным добросердечием: теперь-то уж действительно незачем. Разве в расчете на будущее? Которого не было...

В декабре, на Леночкин день рождения - как-никак восемнадцать! - вино раскупорили, и по комнате разлился чистейший аромат роз. А уж яблоки-то как пришлись кстати! Огромные, душистые, твердые, они долежали до самой весны, хотя половину, как водится, забрала себе Зина.

Не очень часто навещала их дом сестра, но когда Натка приезжала из командировок, прибегала немедленно: "Ну показывай, что привезла". В этот раз Зина была особенно возбужденной, много рассказывала про неблагодарную дочь, жаловалась на мужа, на вздорных баб из своего НИИ - ее почему-то всегда травили, - приводила ужасающие примеры жуткого к ней отношения. Однажды в Ташкенте ее не взяли, например, на узбекскую свадьбу. Всех позвали, а ее - нет! Оставили одну, в гостинице.

- Я так плакала, - жаловалась Зина, и в ее черных глазах стояли самые настоящие слезы.

- Ну, я им потом все высказала - все, что о них думаю!

- Напрасно, - сурово покачала головой Натка. - В таких случаях полагается делать вид, будто ничего не случилось. Они же, в конце концов, не обязаны. Пошла бы погуляла по городу. Там такая мозаика...

- Да? - возмутилась Зина. - Одна? - И уставилась на сестру круглыми бешеными глазами.

- А что? - Натка всегда терялась под взглядом этих черных, горящих глаз. - Я вот всегда гуляю: интересно же - новый город.

- А я весь вечер проплакала, - сообщила Зина. - Начальник мой знаешь как испугался! Извинялся, отпаивал валерьянкой.

- Как? - ахнула Натка. - Ты и перед ним плакала?

- Ну и что? - удивилась Зина. Слезы у нее уже высохли. - Это ты у нас такая... железная...

- Девочки, хватит, - всполошилась Софья Петровна. - Наталья, немедленно прекрати! Зинуля у нас так редко бывает, и вечно вы спорите.

Натка умолкла и пошла варить кофе. Мама права: Зина такая нервная, впечатлительная. На работе плохо, дома плохо: Володя ей изменяет, дочь грубит и над матерью посмеивается - иногда довольно зло. Надо сделать кофе покрепче, как любит Зина. И кажется, где-то там, в камышах, остался еще коньяк. В кухню вошла сестра.

- Знаешь, - сказала легко, - наши бабы мне просто завидуют! Потому с собой и не взяли: боялись, что я всех отобью. Ты свой австрийский костюм носишь?

- Вообще ношу.

- Да? - усомнилась Зина. - А сегодня ты разве в нем?

- Сегодня нет, - призналась Натка.

- Вот видишь! - торжествующе закричала Зина. - Тогда я его забираю! Пусть позлятся. И брошь...

- Какую брошь?

- Ну ту, керамическую, авторскую работу! Ты что, не помнишь? Из Ленинграда. Давай-ка ее сюда, к костюму. Нет, ты, ей-богу, не женщина: забыть про такую брошь!

Софья Петровна тоже заглянула в кухню.

- Да, Натуся, - сказала она, - ты ж еще мед привезла. Отложи, детка, Ларочке, она у нас такая худышка...

Натка поставила на стол банку с медом. Зина с удовольствием принялась мед переключивать. Это было нелегким делом - мед был твердым, густым, - но Зина старалась. Всегда так: выкричится - и успокоится.

- Ух ты, вкуснятина, - облизнула она ложку. - Ларка моя мед обожает! Прямо смешно. Не то что Леночка.

- Почему? - вяло возразила Натка. От сестры, когда в больших дозах, она как-то сникала. - Лена тоже...

Но сестра уже неслась дальше:

- Ты что собираешься подарить Ларке на день рождения?

- Да как-то не думала. Еще целый месяц.

- Гони двадцатку. Сама куплю, ты не умеешь.

Натка вытащила из кошелька последние две десятки - ничего, скоро зарплата. Зина звонко чмокнула ее в щеку и убежала.

"Люди как люди, квартирный вопрос только испортил их..."

Сколько она себя помнит, столько стоял перед ней во всей своей подлой красе этот проклятый вопрос. Стоял и уродовал жизнь. Была бы у нее своя, отдельная комната, так она, быть может, и не развелась бы, ее бы, может быть, не покинули... Однажды поймала себя на том, что ждет не дождется, когда Юра снова уедет в командировку: можно вольно раскинуться на тесноватом для двоих диване, зажечь бра и читать сколько влезет, никому не мешая. Юра рано ложится и рано встает, как ни тихо переворачивает Натка страницы, свет и шелест ему мешают.

Лена была еще маленькой, мама жила еще у себя - нянчила Ларочку, Натку с Юрой еще тянуло друг к другу, но немислимая, невообразимая теснота раздражала, отталкивала: они втроем в своей халупе просто не помещались! И когда попала на Юркином жизненном пути хорошо устроенная одинокая женщина, он от этой тесноты и сбежал. Скажи ему тогда, какую роль в той любовной истории сыграли квадратные метры, он бы, конечно, обиделся, возмутился, но ведь это же правда!

Какая пустота, тоска, обида какая рухнули Натке на сердце! И при том - странное облегчение. Только не успела она в нем разобраться.

- Пусть мама поживет пока у тебя, - сразу решила Зина. - А то как же ты с Леночкой? А Ларка моя обойдется...

И мама переселилась к Натке, покинув свой дом вроде на время, а оказалось, что навсегда. Мебель Зина переставила сразу.

Теперь Натка сидела одна - Дима уже ушел - и старалась понять, что ей делать. Галя дала ключи на целый курортный месяц - двадцать четыре дня плюс дорога, - но что, собственно, изменилось? Дима по-прежнему прибегает и убегает, ему по-прежнему не до нее. И так - пять лет... Скоро пять лет, как они и вместе, и врозь. И ничего не меняется. Однажды сказал - случайно обмолвился, - что полжизни занимался квартирой - просил, доказывал, стоял в бесконечных очередях, - и Натка тогда впервые подумала: "Как же все это бросить?"

- Порядочный человек должен уметь выбирать! - возмутилась однажды Галя.

Должен... А если не получается?..

- Он с ней не спит...

- Ай, брось ты, все они так говорят...

А Натка верит. Потому что у них любовь.

И началась она в тот страшный год, когда обрушился на мир Чернобыль.

Май, июнь, июль, когда власти ввали и успокаивали, мгновенно удалив из опасной зоны своих, были уже позади. Кое-что начинало уже проясняться. Многие побоялись ехать в Крым, и образовались путевки. Вот Натке и обломился давно лелеянный в мечтах Коктебель. Столько о нем слыхала, но никогда не была.

Она вздохнула, забралась с ногами на диван, устроилась поудобнее и начала вспоминать...

Он оказался еще волшебнее, чем ожидалось: какой-то весь насквозь ирреальный. Берег - круглая чаша, а с двух сторон горы. Справа Кара-Даг неловкий, широкий, весь в изрезках, уступах, словно вырезанный вышивальными ножницами. Острые вершины, холмистые, в редких порослях склоны, серые, из песка, обрывы, бухты и бухточки, а в них норы - гроты. К морю повернут мощный каменный профиль: кок густых волос над высоким лбом, глубокая впадина глаза, прямой породистый нос, и стелется вниз, к воде, к двум скалам, повернутым

ликом друг к другу, длинная волнистая борода. В самом деле Волошин... Натка тут же выпросила в библиотеке томик его стихов: "И на скале, замкнувшей зыбь залива, судьбой и ветрами изваян профиль мой..." Значит, заметил. Еще б не заметить - ему, художнику и поэту.

Слева от Наткиного пансионата - цепь покатых, холмами, гор. Цвет переменчив, зависит от освещения: то они серые, а то синие. Чаще коричневые. Впереди, отдельно от прочих, вытянулся узкий Хамелеон. Лежит смиренхонько - острый нос в воде, извилистым, длинным хвостом упирается в берег. Он всегда другой: если горы за ним серые, - вызывающе черен, а потемнеют, - так он уже светлый, назло врагам! Потому так и назван.

По гребню Хамелеона вьется тропа. Кто посмелее и помоложе, умудряется добраться до самого носа. Натка дошла только до середины: справа море и слева море, и воет, гудит ветер. Страшно! Вернулась и пошла купаться в Тихую бухту с ее чистой водой, песчаным дном и пляжем нудистов. Ну и она сбросила легкие свои одежки, с восторгом освобождаясь от привычных оков, долго шла по щиколотку в воде, овеваемая солнечным ветром, глядя вниз, на прозрачную воду - стрелами проносились играя рыбки, - а потом, когда дно ушло наконец вниз, поплыла вдоль берега, упиваясь полной, абсолютной свободой, чувствуя, как нежат грудь волны, омывая легкое тело.

Море... Какого же оно здесь цвета? Бывала и в Ялте, и в Сочи, но такого не видела никогда. Первые вечера неотступно стояла у парапета. Не голубое, нет, и, уж точно, не синее. Бирюзовое? Тоже нет. Голубое и синее, бирюзовое и стальное - вместе. И всегда, неизменно подернуто легкой, чуть уловимой дымкой. Как ее передать художнику?

А художников в Коктебеле много: съезжаются на этюды. Вечерами раскладывают свои работы на лавках, ставят у парапета. Все ходят и смотрят. Кое-кто покупает. Есть картины удачные, передающие самый дух Коктебеля: светлые горы, сиреневый на воде отблеск, разноцветные закатные всполохи, или восход - когда яркое, умытое солнце стремительно выкатывается из-за моря, и оживает вода, и летят шумные птицы.

- Вот сейчас, какое оно? - думает вслух Натка.

- Трудно сказать, - пожимает плечами художник - длинные волосы схвачены кожаным обручем. - Если бы я смешивал краски, стал бы ясен оттенок... Вообще же следует говорить не о цвете, а о соотношении тонов...

Темнеет. Зажигаются керосиновые лампы и свечи. В их призрачном, неясном свете картины кажутся загадочными и прелестными.

И вдруг в эту красоту и гармонию, в мир и покой, в море со звездами врезаются вой сирены, милицейский "газик", крепкий сержант и лихие парни с дубинками.

- Уходите отсюда! Ишь расселись...

- Почему они должны уходить? - просыпается от грез Натка. Как раз выбирала для себя акварель. Даже не выбирала, а так, примеривалась.

- Не трогайте их, - поддержал ее кто-то. - Чем они вам мешают?

Оглянулась - рядом стоит высокий блондин с выгоревшими добела волосами. Четкие, сухие черты лица, длинные ноги, плоский живот под тугими шортами.

- Слыхали про нетрудовые доходы? - огрызнулся сержант. - Указ читали?

- Нетрудовые? - изумилась Натка. - Как раз трудовые! Ведь это их собственные работы!

Вокруг них уже собрались отдыхающие: препирательства с властью были еще в диковинку.

- Правильно, гнать их надо! - с привычным подобострастием поддержал милицию

какой-то толстяк, но блондин примирительно тронул сержанта за руку.

- Послушай, браток, - миролюбиво сказал он, - да мы, в общем, ничего и не покупаем.

Это ж как выставка.

- Выставка... - презрительно скривил губы сержант. - Работать надо... Шли бы к станку...

- К станку-то, конечно, можно, - охотно согласился блондин, - но картиночки тоже неплохо. Во всем мире их так вот и продают.

- Как там в мире, не знаю, - угрюмо проворчал сержант. - А у нас не положено.

- Вот и плохо! - вскипела Натка. - Все не как у людей!

Рука блондина легла ей на плечо.

- Тихо, - шепнул он. - Не дразните гусей.

Резким, спортивным рывком сержант бросил свое плотное тело в "газик", тот гневно фыркнул, выплюнул Натке в лицо шлейф синего дыма и умчался на скорости.

- Ну, вот и все, - засмеялся блондин и снял руку с Наткиного плеча. Будем знакомы: я тут в Доме творчества, зовут Дмитрием, можно просто Дима. А вы где отдыхаете?

- Дом творчества... - уважительно протянула Натка. - Вы, значит, писатель?

Дима весело засмеялся - ровный ряд белых зубов блеснул на загорелом лице.

- Так уж сразу и писатель... У нас там кого только нет! За моим, к примеру, столом - шахтер, парикмахерша, есть для разнообразия писатель, точнее, поэт - никто из нас сроду о таком не слышал. Держу пари, что вы тоже.

- Парикмахерша? - удивилась Натка.

- А как же! Все просто: презренный металл, дружеские подношения милым дамам Литфонда... Вот они - нетрудовые доходы... А вообще в Доме творчества хорошо: отдельная комната.

- А нас трое, - невольно вздохнула Натка. - В пансионате.

- Но я-то один! - радостно напомнил Дима. - Значит, есть где отпраздновать победу над грозной милицией. Заварим чаек, поболтаем...

"Да уж, этот даром времени не теряет, - рассердилась Натка. - С места - в карьер!"

Серые глаза смеялись - казалось, он прочел ее мысли, - в открытом воротах пестрой рубашки кучерявились светлые волосы, узкие шорты плотно облегли стройные бедра, ноги уверенно попирали асфальт. Победитель!

- Нет, благодарю, - чопорно склонила она голову. - Всего доброго.

И пошла не оглядываясь, смутно надеясь, что ее догонят. Но никто, конечно, ее не догнал, и она вошла в свою душную комнату, где, по счастью, пока никого еще не было и можно было сколь угодно вертеть так и сяк короткую сценку на набережной, проигрывать ее бесконечно... И всю ночь Натка ворочалась с боку на бок, стараясь не скрипеть расшатанным топчаном, страдая, что не может зажечь свет, почитать, успокоиться и забыть дурацкие свои слова с претензией на некую светскость.

С рассветом она уже была на набережной. Посмотрела на Кара-Даг, улыбнулась по-свойски Хамелеону. Очень он ей нравился: такой смирный, симпатичный зверек. Да еще и недолговечный, из глины, и волны подтачивают с трех сторон, художники говорят, может исчезнуть.

Сегодня горы за ним были черными, а он - из упрямства и духа противоречия - светло-коричневый. Ну и правильно, и молодец!

Стараясь не торопиться, Натка прошла к Дому творчества, вернулась на свой пляж, расстелила полотенце и села, обхватив колени руками. Подернутая молочной дымкой

безмерная гладь оживала, меняясь с каждой минутой, - розовела, алела, желтела: вставало солнце. Оно выкатилось из-за горизонта, и все живое рванулось ему навстречу. И Натка разделась и вошла в море.

Шелковая вода заструилась вокруг ее горячего тела. Натка оттолкнулась от каменистого дна и поплыла вдоль берега, всей кожей ощущая этот шелк и прохладу, эту ни с чем не сравнимую ласку. Как жаль, что после того случая в детстве, когда тонула, она так и не научилась по-настоящему плавать! Уплыть бы сейчас подальше, к солнцу, покачаться на волнах, где нет никого. Впрочем, и здесь, у берега, никого особенно не было. А главное, не было Димы.

Она вышла на берег, посидела, обсыхая, на полотенце, выжала мокрые волосы - почему-то они и в шапочке намокали, - погляделась в зеркало. На нее смотрели печальные, обиженные глаза. Ну конечно, она влюбилась. Надев на влажный купальник разноцветную длинную юбку, Натка сунула ноги в шлепанцы и потащила завтрак, пытаясь успокоить себя хилой надеждой: может, он долго спит и с утра не купается? После завтрака снова пошла на пляж, стараясь не смотреть в ту сторону, где писатели или кто там еще...

После обеда, совершенно несчастная, сменив, однако же, кофточку простую на праздничную, - отправилась в Дом Волошина, на который поглядывала уже давно - на его башенки и террасы, голубые лесенки и затейливые ходы-выходы. Как-то даже забрела во дворик, посидела на лавочке, но музей тогда был закрыт.

Теперь она ходила по дому одна, в тишине и прохладе. На первом этаже под стеклом лежали рукописи и прижизненные издания, висели фотографии и петиции к новой, беспощадной власти - не отнимать, ради Бога, у хозяина его собственный дом: "Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем... Никакой коммерческой выгоды не извлекает... Мы все отдыхаем и работаем здесь бесплатно..." И подписи, старательно перечисленные звания и регалии - в жалкой попытке воззвать, умолить, доказать... Что ж, на этот раз удалось, как ни странно: доказали и умолили, сохранили дом для потомков.

По лесенке, минуя террасу, Натка поднялась на второй этаж и здесь задержалась надолго: кроме дивана, утвари, библиотеки, здесь были его картины. Да, конечно, он знал, любил, понимал Коктебель.

- Красиво, правда?

Натка оторвалась от чудесного маленького пейзажа: море, горы, разноцветное небо... Сзади нее стоял Дима - в полотняных брюках и светлой рубашке.

- Похоже на Рериха, да? Или на Кента.

- Вы? - Она задохнулась от радости.

- А я боялся, что вы на меня рассердились, - с ходу признался Дима. С чаем получилось как-то неловко... Но, честно, я же ничего такого в виду не имел. Просто чай. Друг привез из Германии, очень вкусный.

Потом она привыкла к этой его прямоте, тогда же совсем растерялась. Молча смотрела на Диму, и лицо ее заливала густая краска. Даже загар не мог эту краску скрыть.

- Ну вот, - смутился Дима, - опять я, кажется, несу что-то не то. А пошли вечером в чайный домик?

- Где это?

- У нас, в Доме творчества. Там здорово хорошо, вам понравится. И хозяйка красавица. А я большой поклонник женской красоты, как вы, конечно, уже заметили.

Дима шутливо наклонил голову, но глаза его не смеялись, в них была, пожалуй, тревога.

- Может, встретимся у мола, где пароходики? - нерешительно предложил он.

- Спасибо, - непонятно ответила Натка, и он заторопился, закрепляя успех.

- У вас когда ужин?

- В семь.

- И у нас! - бурно обрадовался Дима. Потом говорил, что чувствовал себя в тот день дурак дураком, но очень боялся ее упустить. - Значит, в половине восьмого?

Не дожидаясь ответа, он как-то странно махнул рукой и пошел. Остановился на секунду у покрытой ковром тахты, будто споткнулся, повернулся к застывшей от удивления Натке, хотел что-то сказать, передумал и побежал вниз по узкой крутой лестнице, не держась за перила. "Совсем дикарь, - подумала Натка. - Мог бы хоть проводить..." Гулко стучало сердце. Разболелась вдруг голова. Стало невыносимо жарко. Может, и хорошо, что ушел: никогда в жизни ни с кем рядом не охватывало ее такое волнение. Она вышла в зеленый дворик и села на скамейку. Прямо перед ней алел созревший уже шиповник.

Что он там говорил про женскую красоту? "Как вы, конечно, заметили..." Значит, она красивая? Неужели красивая? У них в семье красивой, даже красавицей, считалась Зина - это Натка усвоила с детства. Как раз перед самым Коктебелем Зина отобрала у нее итальянскую юбку новую, ненадеванную. Но, конечно, была причина: опять дурил Вовка.

- Хорошо тебе, Натка, без мужа, - вздохнула Зина, аккуратно укладывая юбку в пакет. - Никаких проблем! Катишь себе на море...

- Ты же только вернулась, - добродушно напомнила Натка.

- Да я уж забыла! - отмахнулась Зина. - Все в прошлом! Слушай, а кофточку венгерскую дашь? К юбке!

- Правда, Натуся, - подхватила мама. - Зиночке так к лицу!

Пришлось отдать. Ах, как пригодилась бы сейчас итальянская юбка! В этой, ситцевой, совсем не то, хотя Зина, кипящая, уверяла, что на море-то в самый раз. Может, и правда... Ну ничего, есть еще платье - широкое, длинное, с поясом. Год назад ездили на майские праздники в Ригу, и Натка купила, здраво рассудив, что рижская мода на следующий год до Москвы как раз и докатится.

Вечером она надела это самое платье, покрутилась перед трюмо - веером полетела вбок широченная юбка, - достала из чемодана туфельки - а уж думала, зря привезла, - и уселась за столик краситься. Улыбнувшись своему отражению, признала себя хорошенькой: чистый, без морщин лоб, пушистые волосы, темно-синие, в фиолетовое, глаза... Рот, правда, великоват, но сейчас, говорят, это модно. С зубами тоже ей повезло, недаром сокрушалась Зина:

- Эх, мне бы твои зубы...

У нее были мелкие, с интервалами.

- Это я виновата, - скорбно качала головой мама. - Надо было в детстве поставить коронки.

Натка подвела синим глаза - к полоскам на платье, - подмазала ресницы, коснулась перламутровой помадой губ. Кажется, все. Ах, еще духи французские, для особых, торжественных случаев, а сейчас как раз такой случай... Ну вот, теперь - все! Она встала и пошла, покачиваясь на каблучках, ужинать. От счастья или от каблучков у нее даже походка изменилась: стала легкой, кокетливой.

- Вы сегодня такая... - восхитился сосед по столику и, волнуясь, отер со лба пот.

- Какая? - лукаво осведомилась Натка.

- Прямо не знаю, как и сказать...

- Да? - возликовала Натка и весь ужин поддразнивала соседа, а он только потел и крякал. А потом полетела на встречу.

Тонкие каблучки звонко цокали по асфальту, теплый ветер дул в лицо. Изо всех сил старалась Натка хоть немножечко опоздать, но из этого, как всегда, ничего не вышло. Ровно в половине восьмого она уже стояла у мола и убито смотрела на светлую зеленую воду: никакого Димы и в помине не было. "Какой ужас", - думала Натка. Стоять было стыдно, а уйти не хватало сил. "Вот так, Хамелеоша... Видишь, как обращаются с женщинами..." Уткнувшись в воду, Хамелеон молчал, но сочувствовал.

- Наташа!

Дима заглянул ей в лицо, взял за руку.

- Простите, что опоздал: сумку забыл в столовой. Пришлось возвращаться. Хорошо, что меня дождалась.

- Я?

- Сумка. То есть нет, вы - тоже... Господи, что это я говорю?

Он легко краснел и смущался от того, что краснеет.

- Пошли?

- Пошли.

И они стали медленно подниматься от моря. Шум, смех, болтовня остались там, позади. Там же, у моря, заблудился вечерний ветер. Они прошли по тутовой аллее, по крошечному, переброшенному через толстую трубу мостику, еще по одному - побольше, каменному - через пересохший ручей... Свиристели сверчки. Свечками возвышались узкие кипарисы. На светлом небе проявилась первая звездочка.

Чайный домик уютно расположился под высоченными, в небо, деревьями. Сквозь узкие расписные окошки струился неясный свет. Внутри были камень и дерево: из камня стены, из дерева узорчатый потолок, стойка, столы и стулья. На дальней стенке, солнцем распустив хвосты, застыли железные павлины, скрывавшие под опереньем лампы - источник света. На стойке кипел большущий такой самовар. С самовара улыбалась матрешка - пышная, в сарафане, а рядом стояла белокурая женщина - в самом деле красавица. Слева от женщины висели картины - море, горы и солнце, а справа - пучочки трав.

Дима явно был здесь своим: красавица ему улыбнулась, окинув Натку любопытным, доброжелательным взглядом, и, не дожидаясь заказа, принялась колдовать над травами и коробочками.

Усадив Натку за самый уютный, под павлином, столик, Дима вернулся к стойке.

- Ниночка, нам с мятой. И еще с чем-нибудь. По вашему вкусу.

Красавица согласно кивнула и подсыпала что-то в чайник. Запахло чем-то душистым.

Дима принес чашки и, с особой торжественностью, пузатый чайник.

- Прошу, - обратился он к Натке. - Чай любит женские руки.

Натка встала, осторожно подняла довольно тяжелый чайник. Аромат мяты разлился по комнате.

Полумрак... Кроме них, еще только трое... Ни вина, ни музыки, прятаться не за что.

- Вы кто такой? - чуть запнувшись, спросила Натка.

- Чем занимаюсь? - уточнил Дима. - Биолог. Что такое биотехнология, знаете?

Натка кивнула не слишком уверенно.

- Придумываем, чем вас кормить, - пояснил Дима.

- Так это вам мы обязаны синтетической колбасой? - прищурилась Натка.

- Нам вы обязаны тем, что до сих пор не умерли с голоду, - весело парировал Дима. - А теперь - за нас!

Он вытащил из кармана бутылочку сувенирного коньяка.

- А как же указ? - поинтересовалась Натка.

- Ниночка нас не выдаст, - подмигнул красавице Дима и вылил коньяк в чай.

Нина улыбнулась уже им обоим.

- Так вкуснее?

- Вкуснее!

Распахнулись двери. Ввалилась целая ватага художников, возглавляемая длинноволосым. Не скрепленные на сей раз обручем волосы свободно падали на лицо.

- Нина Георгиевна, получите!

Он вытащил акварель из холщовой сумки. Картина тут же была прикреплена к стене.

- Не так, не туда! - загомонили художники. - Вот сюда, между этим холмом и тем морем... Нет, между тем холмом и этим вот морем...

Акварель перевесили.

- Чай "Коктебель" для всех, - загудел бородач в хитоне.

- Угощаю! - живо откликнулась барменша и захлопотала у чайничков.

- Тогда я - пирожные, - не отступал бородач. - Я сегодня богач: продал два масла. Эх, коньячку бы...

- Поищем, - улыбнулась красавица.

- Господи, хорошо-то как... - прошептала Натка.

В пузатом чайнике оставалось еще много чая, когда они встали и, распрощавшись с Ниной, вышли из домика. Было душно. Звенели в кустах цикады. На южном небе мерцали звезды. Не сговариваясь, пошли к морю. Там всюду сияла луна.

- Искупаемся?

- Я ничего не взяла.

- Подумаешь...

- Вы идите, а я посижу.

Натка села на гальку, привычно охватив руками колени. Дима разделся, положил вещи с ней рядом и пошел в воду. Она видела его сухопарую фигуру, неясно белевшую в ночи, слышала плеск волны, когда он нырнул, видела, как вынырнул и поплыл, рассекая узким телом серебристую гладь. "Он и плавает хорошо", - с непонятной гордостью, как о своем, подумала Натка. Тело гудело от напряжения, кровь толчками билась в висках. "Какие глупости, ведь я его почти не знаю", - защищалась она от счастья. Но оно в ней жило, переполняло ее, и куда же было его девать?

Вот он идет к ней от моря - стройный, высокий, стряхивая с плеч воду. Натка ждала молча, не шевелясь, стараясь утаить волнение души и тела непослушного, непокорного тела, рванувшегося ему навстречу.

Дима подошел совсем близко и, старательно отводя от белого платья мокрые руки, наклонился и коснулся прохладными губами ее пересохших от волнения губ. Он словно спрашивал, проверял, что ему можно. Натка на поцелуй не ответила, но не отодвинулась, не отшатнулась, и он понял, что можно все.

Он мигом сгреб с лежака одежду, отошел в сторону, стянул трусы, выжал, хотел натянуть на себя, но передумал и спрятал их в пляжную сумку. Потом надел брюки, вернулся

к Натке, взял ее за руки, обнял, поцеловал уже по-настоящему - "пошли!" - и решительно повел к своему домику.

Они шли довольно долго - в тишину и темноту. Освещение и дорожки кончились, сильнее запахло травами, в одном месте пришлось даже нагнуться: низко склонившиеся ветви огромного дерева преградили путь. Дима молчал, и молчала Натка. Она шла, держась за его руку, и чуть не плакала от волнения. Ей все хотелось сказать "люблю", но ведь не принято: они же едва знакомы, да и не было у них ничего. Как - ничего? А море, солнце, его рука? И такое невозможное ощущение счастья...

- Пришли!

Дима остановился, вынул из кармана ключ, нащупал в темноте скважину, отпер дверь. Вспыхнул яркий свет.

- Прощу!

Натка вошла в просторную комнату. Дима отворил еще одну дверь - в тамбур, напротив.

- А здесь туалет и душ.

Когда она вышла из душа, то увидела в лунном свете, что Дима лежит под одеялом и ждет.

- Иди сюда, - хрипловато сказал он.

Она быстро разделась, нырнула к нему, положила ладонь Диме на грудь и услышала, как стучит его сердце. Руки у Димы были холодными, ледяными, и этими ледяными руками он обнял Натку, прижал к себе, покачал, как ребенка, потом опрокинул навзничь, и через минуту все было кончено - она и опомниться не успела. "Ну и пусть, - подумала Натка. - Все равно люблю".

- Тебе хорошо было? - ласково спросил Дима.

Натка про себя прямо ахнула - все-таки мужская самонадеянность границ не знает! - но кивнула: ага, хорошо, очень.

- Нам всегда будет хорошо вместе, - пообещал Дима.

Она снова кивнула, соглашаясь со всем заранее, а он легонько коснулся ее груди, пробежал пальцами сверху вниз и стал осторожно и требовательно ласкать и гладить. Острое желание пронзило Натку. Но на этот раз Дима не торопился. Он тронул сосок языком - потом еще и еще, - рука его опускалась все ниже... И когда он снова пришел к ней - уверенный, сильный, справедливо гордый собой, - обладание было столь полным, что Натка застонала от наслаждения и огромного, не сравнимого ни с чем облегчения.

- Я тебя люблю, люблю, - не выдержала она. - Это, наверное, глупо так сразу...

- Ну почему глупо? - резонно возразил Дима. - Вовсе не глупо... Иди ко мне. Хочешь сверху?

Похоже, любовь для него - только близость...

- Я так не умею, - призналась Натка смущенно.

- Сумеешь! - радостно засмеялся Дима. - Я тебе помогу. Ах ты дурочка! Я же сказал, нам будет хорошо вместе...

Темнели впадины его глаз, угадывались светлые волосы на подушке.

- Пора, - сказала наконец Натка.

- Встаем! - легко согласился Дима, протянул руку за изголовье и бросил ей махровый халат.

Слегка разочарованная этой легкостью, она влезла в халат, сунула ноги в китайские шлепанцы и отправилась в душ. Жгучие струйки покалывали насладившееся любовью тело.

Натка подставила этим струйкам лицо, потом повернулась спиной. Как сон... Все - как сон... А ведь три дня назад она и не подозревала, что он есть на свете.

Они вышли из домика и окунулись в чернильную мглу.

- А луна-то куда пропала? - удивилась Натка.

- Ушла спать, - отозвался Дима. - Осторожнее, не споткнись.

Он помог Натке спуститься с крыльца, и, держась за руки, они пошли к набережной. Тихо было вокруг. Молчали угомонившись сверчки. Море - там, внизу - лежало огромным, ленивым зверем. Но выкатилась из-за тучки луна, и оно снова засеребрилось и ожило. Справа четко обозначился могучий каменный профиль.

- Как это получилось? - спросила Натка, и Дима сразу понял, о чем она говорит.

- Никто не знает... Какая-то мистика... Может, потому, что Волошин любил эту землю, многое на ней сделал... Наверно, поэтому. В благодарность... Покатаемся завтра на парходике?

Натка кивнула, горя о том, что они уже возле ее корпуса.

- Иди.

- Подожду, пока тебя впустят.

- Нет, иди. - Не хотелось, чтоб он видел ее унижение.

- Ну, до завтра.

Он коснулся губами ее волос и, не оглядываясь, пошел прочь. Натка обреченно смотрела ему вслед. Да, конечно, первое впечатление самое верное. Пришел, увидел, победил...

Она долго стучала, долго ждала, покорно слушала ворчню заспанной, хмурой дежурной. А потом лежала без сна, стараясь не шевельнуться, чтобы не разбудить Зою и Свету, терзаясь мыслью, что она, как видно, глупа, и любить ее невозможно. Мало ли что там она чувствует? Могла бы и промолчать: ему-то ответить нечем! "Иди ко мне. Хочешь сверху?.." Как для него все просто, выражено в словах. В ее небогатой практике что-то обычно молча угадывалось, понималось без разговоров. Впрочем, какой там у нее опыт...

Утром идти никуда не хотелось, и Натка почти до обеда провалялась в постели. Но без десяти час, когда порядочные люди как раз уходят с пляжа, вдруг вскочила, лихорадочно натянула купальник, завязала на талии цветастую юбку и чуть не бегом бросилась к морю. Никакого Димы, конечно, не было.

Злясь на себя, на него, вообще на всех, Натка швырнула на гальку влажное полотенце, развязала поясok юбки, одним резким движением стряхнула ее с себя, переступила через эту разноцветную, дурацкую тряпку и пошла в воду. Она поплыла, как всегда, бочком, вдоль берега, вглядываясь в редкие фигуры на берегу, все еще на что-то надеясь. Она чувствовала, что кто-то плывет прямо на нее - оттуда, с воли, из открытого моря, - но верила, что хороший пловец не врежется в незащищенную женщину, едва державшуюся на плаву. На всякий случай, однако, сильнее заработала руками и заколотила ногами, стараясь убраться с курса.

Смеющееся лицо Димы возникло перед ней как-то сразу: должно быть, он поднырнул под нее, потому что появился уже со стороны берега.

- Привет! - Белые зубы блеснули в улыбке. - А я смотрю, кто-то там телепается - не спеша, вразвалочку... Ну ты и пловчиха! Тебя, пожалуй, не догнать!

- Да уж, меня догнать трудно! - расхохоталась Натка и от смеха стала тонуть. Но ее тут же схватили под мышки и подтолкнули к берегу.

Натка сделала два судорожных рывка и встала, ощутив под ногами дно.

Они стояли в воде, шурясь от солнца, и смотрели друг на друга.

- Где ты была? Я тут весь избегался! - весело возмущался Дима. - Ведь я даже не знаю, в каком ты купальнике и какая шапочка! Приставал к посторонним дамам, потом бешено извинялся... А ты тут как тут, со своим каботажным плаванием... Медвежонок, что ж ты до сих пор плавать не научился? Медвежата, говорят, здорово плавают.

Он качнулся к Натке и ткнулся носом ей в ухо.

- Чего-то я по тебе соскучился, - с каким-то даже удивлением сказал он. - А ты?

- Да я не успела, - независимо тряхнула головой Натка. Слава Богу, хватило ума схитрить.

- Да? - не поверил Дима. - А после обеда что делаешь? Давай поднимемся в гору, к Волошину? Правда, сегодня очень уж жарко. Но все равно - пойдем, а?

- Пойдем, - согласилась Натка, стараясь не очень радоваться.

Неужели тоже соскучился?

3

До похода в горы еще можно было, наверно, остановиться, но после этого дня и особенно ночи... Как все же странно и удивительно: на пустом месте, из ничего, в один воистину прекрасный миг произрастает, растет любовь, и никому еще не удавалось с ней справиться. Вообще-то оба они сразу влюбились, но душевные ниточки протянулись между ними там, на вершине Волошина.

Они поднимались долго и с остановками. Ноги скользили по исхоженной гладкой тропе. Казалось, ей нет конца, и Натка старалась не смотреть вниз, чтобы не закружилась вдруг голова. Нещадно палило солнце, но кепочка с козырьком защищала голову, а в Диминой фляжке была вода. Иногда они сходили с тропы - когда слишком круто забирала вверх - и шли в обход; Дима карабкался первым, протягивал Натке руку.

- Держись!

Они почти не разговаривали. Он спросил только, когда кончается у нее путевка.

- Двадцать пятого, а у тебя?

- Двадцать восьмого.

У них оставалось всего пять дней! Где ж он был раньше? Почему они раньше не встретились - ведь крошечный такой пятачок! Подумать только пять дней! Как же ей во всем не везет! Да еще вот-вот грянут месячные, и могут, черт их дери, прийти раньше - в таком-то пекле!

На высоте, у могилы Волошина, гулял подвивая ветер. Казалось, еще немного, и он сбросит нахальную парочку вниз - туда, где синело, серебрилось, плавилось от жары далекое море. Он сорвал с Натки кепку - она едва успела ее поймать. Волосы полетели в сторону, застилая глаза.

- Ну-ка...

Дима вытащил из кармана большущий, мятый платок и, превратив его в некое подобие косынки, завязал узлом под Наткиным подбородком.

- Ой, какая же ты хорошенькая! - сказал он любуясь. - Дай-ка я тебя сфотографирую.

Он вынул маленький фотоаппарат из своей неизменной пляжной сумки и стал пятиться, глядя в объектив и отыскивая нужный ракурс.

- Смотри не скатись! - крикнула ему Натка.

Яростно жгло белое солнце, свирепо разбойничал ветер - чужие забрались в его края, было тревожно и весело.

- А теперь ты!

Дима уселся на скамью, снял темные очки и прищурился, ослепленный светом. "Может, и он счастлив?" - с надеждой подумала Натка.

Потом они посидели немного рядом, прижавшись друг к другу, глотнули теплой воды из фляги, а потом Дима сказал:

- Позволь я побуду во-о-он там? - Он показал на большой гладкий камень. - А ты пока погуляй. Не обидишься?

- Нет, - ответила Натка и пошла по вершине горы. А когда повернула назад, то увидела, что Дима сидит на камне, закрыв глаза и подставив солнцу лицо, в классической позе йога. Она подошла ближе и уставилась на него в изумлении.

- Это святое место, - открыл глаза Дима. - Все тут пропитано космосом, духом поэзии, красоты. Так было всегда. Сколько здесь зародилось высоких чувств - дружбы, любви... Вот и мы встретились здесь не случайно.

Он серьезно посмотрел на Натку, потом встал, сошел с камня, взял в руки ее лицо и бережно поцеловал в глаза.

- С каждым днем нам будет все лучше. Ты мне веришь?

Она благодарно вздохнула: значит, он тоже думает о них вместе, об их гармонии в близости? Как жаль, что только об этом! Что ж, пусть... Она согласна, смиряется, все принимает, потому что к ней-то пришла любовь, ее ведь ни с чем не спутаешь.

Когда-то, в юности, очень боялась: как ее угадать, не пропустить, не ошибиться? Вот, значит, как: стоять рядом с ним и слушать гул ветра счастье, его мятый платок на голове - счастье, и хочется все отдать, ничего больше не надо...

- Там, у моря, когда ты храбро сражалась с милицией, я увидел твое сердитое, гневное даже лицо, - волнуясь, заговорил Дима. - Увидел роскошные волосы, поразительные глаза - такие глубокие, темные. Уж потом, утром, я разглядел их цвет, тогда же они показались мне почти черными... И мне нестерпимо - понимаешь, нестерпимо - захотелось взять это лицо в свои руки, коснуться его ладонями, прижать к себе. Безумное, возмутительное желание: ведь мы были еще не знакомы! И когда я подошел к тебе, то боялся лишь одного: выдать себя. Боялся, что ты догадаешься, оскорбишься, боялся тебя спугнуть.

Натка замерла, затаилась: его откровенность просто пугала.

- Ты не бойся, - продолжал Дима. - Ты только не бойся, не думай, что я не понял тебя, когда ты сказала, что любишь.

- Ты понял? Правда? - пробормотала Натка. - Тебе это не показалось фальшивым или там глупым?

- Нет, потому что я чувствовал то же самое, даже больше. И ты не жалея, что сказала! В этом ты никогда не раскаешься...

- Чувствовал даже больше, - замороженно повторила его слова Натка. А что может быть больше?

- Такое ощущение - очень яркое, - что жить, как прежде, невозможно, и как-то надо сделать так, чтобы ты не сбежала, поверила, что будет нам хорошо, мне надо только чуть успокоиться...

Они говорили быстро, отрывисто и бессвязно и, казалось, не очень друг друга слушали, но каждый запомнил этот разговор на всю ту жизнь, что им осталась.

- Ну, немножко я бы, пожалуй, подождала, - мягко улыбнулась Натка. Знаю, как это бывает...

- Ох, не говори так! - Дима резко отодвинул ее от себя. - Не говори о других, пожалуйста.

- А сам-то... Все знаешь и все умеешь...

- Мне по штату положено знать и уметь: я мужчина. Иначе тебя не удержишь.

- Так ты еще и теоретик? - засмеялась Натка.

- А как же! - расхохотался Дима.

Оба вдруг ужасно развеселились: слишком большого напряжения потребовал разговор, и теперь наступила разрядка. Дима поцеловал темные фиалковые глаза.

- Это чтоб ты меня не забыла...

У Натки мгновенно и больно кольнуло сердце. Что ждет их там, в холодной Москве? Серый осенний город, дожди, хмурые люди на улицах... Море, солнце и горы останутся далеко позади... И он, конечно, женат, нечего даже спрашивать...

Вечером они взошли на палубу катерка. Медленно, важно катерок отчалил от пирса.

Это была ночная прогулка - без гида и музыки, в тишине... Все в звездах небо, сияет луна, и черное, без конца и без края, море... Катерок, пыхтя и покачиваясь, старательно дробил лунную дорожку, луна осыпалась искрами - где-то там, за кормой. Дима снял куртку, набросил Натке на плечи.

- Пойдешь ко мне? - шепнул он, когда катерок повернул к берегу. Останешься до утра?

- Не знаю, - несчастно ответила Натка. - Кажется, не смогу.

- Почему? - Дима даже охрип от такого внезапного унижения.

- Мне надо домой, в корпус... Видишь ли, я... У меня...

- А-а-а, понятно, - радостно догадался Дима. - Не надо, медвежонок, в корпус: найдем что-нибудь. И не волнуйся: приставать не стану. Просто положишь голову мне на плечо и заснешь. Так мало осталось дней...

"Конечно, женат, - обреченно подумала Натка. - Все знает..."

- Смотри, сколько я всего накупил! - похвастался Дима, когда они вошли в домик. - Кофе, плюшки, конфеты, смотри! - Он зажег настольную лампу.

Да, ее здесь ждали... Все, что валялось в прошлый раз на постели и стульях, было, как видно, упрятано в шкаф. На столике стояли два сверкающих чистотой стакана и рюмки, бумажная салфетка накрывала здоровенные плюшки.

- Ах да, - спохватился Дима, подставил к шкафу табурет, дотянулся до чемодана, лежавшего наверху, и вытащил вафельное полотенце. - Вот! - подал его Натке. - Рви в клочья! Это мое, не казенное.

"Кто, интересно, положил ему полотенце? - ревниво подумала Натка. - А может, сам? Нормально же - взять на море полотенце..."

Когда она вернулась из душа, в стаканах уже дымился кофе, а Дима наливал в рюмки ликер - остатки. "С кем он тут пил?" - расстроилась Натка. Она как с ума сошла: какие права она имела на этого человека?

- Ты чего? - тут же заметил ее печаль Дима.

- Ничего... Подвела нас с тобой мать-природа.

- Ну и пусть. Нам и так хорошо.

Дима поднял рюмку.

- За нас! За нас - вместе. Жаль, мало выпивки... Этот идиотский указ...

- Да уж, - хмыкнула Натка. - С нашими лидерами не соскучишься...

Ликер был сладким и обманчиво легким. Огненной струйкой пробежал он по телу,

растворив в себе горькие мысли. Они допили кофе, взглянули друг другу в глаза и, не сказав больше ни слова, разделись и легли в постель. Натка чувствовала, как сильная мужская рука ласкает ее грудь, коснулась ее живота. Невозможно было больше терпеть, но тут он как раз шепнул:

- А тебе точно нельзя? В первый день, кажется, можно...

Они уснули разом, спали крепко и сладко, а утром Дима, целуя Натку, сказал:

- Пошли в душ, я тебя искупаю. - И, увидев, как расширились в изумлении ее глаза, добавил: - Отмою, как это делают йоги.

- А разве я не отмыта? - пошутила Натка, не зная еще, как отнестись к столь странному предложению.

- Сейчас все поймешь, - не стал ничего объяснять Дима. - Пошли!

Вода была сильно горячей - "так надо!" - и Натка стояла под душем, глядя, как Дима старательно мылит мочалку: "Давай лапу... Так... Теперь вторую..." Мочалка скользила по рукам и ногам, по спине, животу - кругами, кругами. Казалось, она раздвигает кожу, проникая внутрь, глубже и глубже... Покой и блаженство охватили Натку.

- Ой, щекотно, - тихонько засмеялась она, когда Дима принялся оттирать ей подошвы.

- Терпи, - сурово велел он. - Кожа дублирует почки и легкие, а значит, должна дышать. Подошвы, если хочешь знать, вообще аналог всех наших внутренних органов.

- Да уж, - усомнилась Натка.

- Вот тебе и "да уж", - добродушно и очень похоже передразнил ее Дима. - Ничего-то ты, медвежонок, не знаешь. Потому что маленький, глупый... Сейчас, представь себе, у тебя открылись все точки: я прочистил систему "ку".

- Какую систему?

- Потом объясню. Посмотри-ка лучше на себя в зеркало! Что это там за юная леди?

Из зеркала на Натку смотрела молодая, порозовевшая, счастливая женщина. Тело было легким и радостным. Кожа скрипела после Диминого мытья.

- Ты сейчас совсем как ребенок, - задумчиво сказал Дима. - Я, знаешь, люблю детей, и ты мне кажешься почему-то маленькой, беззащитной. Странно... Такого чувства у меня ни к кому не было, только к сыну, лет сто назад теперь он уже взрослый.

- Живет с тобой? - замирая от ожидания, страха, спросила Натка.

- Да, пока с нами.

"С нами"... Ну вот, теперь все ясно. Теперь главное - не заплакать.

Это были мучительные и счастливые дни. Купаться в Наткином состоянии было нельзя, но она купалась, пропустив лишь один день - второй. Жить с мужчиной тоже не полагалось, но они теперь спали в одной постели, и как же было им удержаться? А время, отпущенное судьбой, таяло как весенний снег, сыпалось как песок сквозь пальцы...

Как-то они снова наведались в чайный домик. Расставили на столе чашки, Дима принес пузатый, в горошек, чайник, Натка налила в чашки чаю. Но не успела сделать и двух глотков, как Дима взорвался:

- Послушай, сколько можно пить чай? Пошли отсюда!

Натка удивленно взглянула на Диму. Взъерошенный и несчастный, он смотрел куда-то в сторону сердитыми, злыми глазами. Она послушно встала, он схватил ее за руку и потащил к выходу, провожаемый недоуменным взглядом красавицы Нины, как всегда, стоявшей за стойкой.

Стрекотали не умолкая сверчки, оранжевая луна застыла над головой. Траурные туи

часовыми выстроились вдоль аллеи. Дима чуть не бежал к домику, потом, будто споткнувшись, остановился - лицо его смутно белело в ночи - и выкрикнул отчаянным шепотом:

- Через три дня ты уезжаешь, а мы как последние дураки торчим в чайной!

Накануне отъезда, когда они молча и отрешенно гуляли у моря, подошла Зоя, о чем-то спросила и пошла безмятежно рядом. Дима хмуро прошагал несколько метров, потом буркнул "простите" и, бросив дам на произвол судьбы, ринулся прочь, взмахивая руками.

- Чего это он? - опешила Натка.

- Влюблен как безумный, - мягко сказала Зоя. - Даже не верится...

- Разве заметно? - растерялась Натка.

- Еще бы! - вздохнула Зоя. - Вот вы идете по набережной, и сразу видно: этот мужчина по уши влюблен в эту женщину.

- А по женщине что видно? - улыбнулась Натка.

- По женщине? - задумалась Зоя. - И по женщине видно, что в нее влюблены. Идет такая нежная и задумчивая, чуть-чуть уставшая... Но он прямо пылает! Прости за бестактность - не стоило подходить. Бабье любопытство: хотелось взглянуть на него поближе. Мы со Светой все удивляемся: бывает же такое... В наше время, в такой страшный год... Ну ступай к нему, извини...

Зоя махнула рукой и пошла не оглядываясь к морю. Натка смотрела ей вслед. Она-то думала, никому до них и дела нет, а все, оказывается, всё видят...

Дверь в домик была закрыта, свет погашен. Натка стукнула в окно почему-то три раза, хотя ни о каких условных стуках они, конечно, не договаривались. Ей открыли мгновенно.

- Прибежал, медвежонок, - забормотал Дима, укрывая ее полами своего халата, прижимая к голому телу. - Прибежал, дорогой мой!

Было тихо, темно, остро пахло валерьянкой.

- А я наглotalся тут всякой дряни... Думал, что я наделал!

- Но почему, почему? - повторяла Натка, тычась носом в его плечо.

- Прости, я знаю, что так не делается! Но ходить с какой-то Зоей по набережной, когда ты уезжаешь...

- А в Москве мы разве не встретимся? - собралась с духом Натка.

- Как - не встретимся? - отпрянул от нее Дима и тут же схватил, сжал так, что у Натки хрустнули кости. - Что такое ты говоришь? Может, ты замужем?

Он так грозно возвысил голос, он смотрел на нее так сердито, что в Наткином сердце вспыхнула безумная, фантастическая надежда.

- Нет, не замужем, - сказала она и - сразу, как в воду: - А ты?

- Что - я? - не понял Дима, но глянул на застывшее Наткино лицо, нахмурился и пробормотал сквозь зубы, скороговоркой, с досадой: - Я же говорил, что у меня жена и сын, - хотя говорил он только о сыне.

На кого он досадовал? На нее? На себя? На свое женатое состояние? Почему сама мысль о том, что она тоже может быть не одна, так его возмутила? Этого он не знал. Он себя об этом даже не спрашивал. Но возмутился ужасно. Он нашел свою женщину, и она должна принадлежать ему. Вот и все. И точка. Какое тут может быть равноправие?

4

- Возьми. Потом прочитаешь.

Дима сунул ей в руку клочок бумаги и заторопился к выходу: до отхода поезда

оставалось пять минут. Натка видела, как он шел по перрону, потом резко остановился и бросился назад - к ее вагону, к окну.

Встал у окна и смотрел на свою Натку, будто расставался навеки. Не улыбался, не махал прощально рукой, просто стоял и смотрел. А когда уплыл вместе с перроном назад, в Коктебель, Натка развернула листок. "Медвежонок, ты хоть понял, что это любовь? Не убегай от меня, пожалуйста". Вместо подписи - телефон. Конечно, служебный.

"Ты хоть понял, что это любовь... Ты хоть понял, что это любовь..." Куда уж ей от него бежать, хотя вроде бы есть Алик, и Дима даже принес однажды от него письмо - вытащил из клетки на букву "л", не зная, что от соперника.

Натка затрясла головой, застонала тихонько: какой там Алик, какое письмо? Ничего теперь, кроме Димы, нет, а ведь встречалась с Аликом почти три года и было как будто совсем неплохо.

К вечеру поезд остановился в чистом поле. Постоял, словно раздумывая, двинулся неуверенно, снова остановился. По давней привычке - до всеобщего обнищания было еще далеко - Натка пообедала в ресторане: любила посидеть за столиком, поглядывая на бегущие назад поля, любила послушать музыку, которой, впрочем, в этот раз уже не было. Но все равно сиделось ей хорошо тихо, спокойно, нет никого: народ, как всегда, поистратился на курорте.

А поезд стоял себе и стоял и дальше, похоже, ехать не собирался. Наконец радист, прокашлявшись, объявил, что впереди крушение и делают обходной путь. Все разом зашумели, затолковали - возбужденно и вроде бы даже весело. Крушение... Ну надо же! Так прямо и говорят! Вот она гласность! Отговорившись, беспечные пассажиры - опять-таки разом почувствовали острый голод: сколько придется стоять, неизвестно, а они ведь такого не ждали, на такое они не рассчитывали, думали, утром - Москва. Побежали в ресторан, обгоняя друг друга, а он закрыт, заперт! Однако то же радио обнадежило: дескать, сейчас понесут бутерброды. И тут же по вагонам пошли официанты в белых, нечистых фартуках. Хлеб с колбасой предлагался по неслыханной, просто пиратской цене - кошелек или жизнь. Да еще - по одному куску в руки. Тут уж даже Натка купила, хотя только что отобедала.

Снова, откашлявшись, заговорило радио: сухо предупредило, что вода на исходе и скоро запрут туалеты. Все бросились в конец коридора, мигом образовалась привычная очередь. Стемнело. Зажегся свет - правда, довольно хилый. Читавшие, вздохнув, отложили газеты и книги и приготовились терпеливо ждать.

А у Натки в купе зачинался пир. Молодой и веселый Аркадий вытащил из сумки вино - крымское, настоящее, добытое неведомо как, в обход сурового закона о повальной трезвости, Натка выложила на стол огромные южные помидоры, черные от загара девушки - плоские лепешки лаваша. "Как чувствовали! - радовались они. - В последнюю минуту купили!"

- Пора начинать новую жизнь, - резвился польщенный общим вниманием Аркадий. - Женщины поддерживают огонь в очаге, мужчины отправляются на охоту.

- Представьте, что мы тут и остались, - размечталась одна из девушек. - Про нас забыли, рельсы заросли травой, и мы начинаем с нуля.

Начиталась, должно быть, фантастики.

- Выбираем лидера, - подхватил Аркадий, - создаются новые семьи, - он подмигнул девушке, - рождаются дети...

- Чему это вы так радуетесь? - заглянул в купе пляжный знакомец. - У нас в купе - прямо траур.

Пригласили войти, предложили выпить.

- Как это я додумалась купить помидоры! - хвалила себя Натка.

- А я - вина! - не отставал Аркадий. - Добыл просто из-под земли, рисковал, можно сказать, жизнью! Пейте, пейте, пока работают туалеты!

Натка смеясь уплетала за обе щеки сочные помидоры - хлеб с колбасой отдала голодному гостю, - сладкое вино пахло югом. Какое у нее приключение, а Дима не знает! Грех веселиться: там, впереди, должно быть, погибли люди... "А вдруг я бы ехала в том поезде? - с замиранием сердца представляла Натка. - Как бы он, наверное, горевал..." Не о матери, не о дочке думала, только о Диме: люди, когда влюблены, дикие эгоисты. "Медвежонок, ты хоть понял, что это любовь?"

Была глухая южная ночь, когда они двинулись дальше. Через два часа в призрачном лунном свете Натка увидела рухнувшие в воду вагоны. Медленно-медленно поезд свернул на обходной путь и пополз, чуть дыша, осторожно постукивая колесами. Вагоны угрожающе заваливались влево, казалось, сейчас, сию минуту они оторвутся от узкой стальной полосы - так велик, так опасен был крен. Натка замерла у окна, вот когда ей стало по-настоящему страшно.

Проехали... Пронесло... Весело застучали колеса, машинист дал длинный, победный гудок. Теперь можно и спать. Но Натка все стояла у окна, глядя на черные, бегущие назад деревья, на рваные тучи, сквозь которые летела за поездом всегда загадочная луна. Стояла и мечтала о Диме. "И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг..." Ведь это вполне мог быть их поезд.

Она тихонько вошла в купе. Крепко спали, нахохотавшись, девушки, мирно похрапывал наверху Аркадий. Натка уснула только под утро, но проснулась быстро, легко: до встречи с Димой оставалось всего три дня.

Целых три дня!

Что творилось в тот день на вокзале! Гласность-то гласностью, а что за поезд попал в аварию, номер-то его какой? - от граждан все-таки утаили. Запаздывали на много часов все поезда из Крыма, встречающие метались, ругались, плакали - в зависимости от степени родства, темперамента и любви. Натка сразу увидела Алика. Он сдержанно улыбнулся - она не ответила на два его последних письма, - взял чемодан, поцеловал в щеку.

- Мама твоя с ума сходит.

- А Лена?

- Леночка ее утешает. Но, конечно, тоже волнуется. Давай-ка сразу им позвоним.

Позвонили. Приехали.

- Маленький мой! - виновато шепнула Натка, прижимая к себе дочь.

Хрупкие косточки, легкие, как у козленка, ноги, пахнет свежестью и чистотой детская кожа.

- Дай-ка я тебя поцелую. - К Натке уже спешила мама. - Напугала ты нас, путешественница.

Борщ, жаркое, торт... Все как положено. Набежала, конечно, Зина, отругала за помидоры.

- Здравьете вам! Она, видите ли, кормила купе! Как всегда, больше всех надо! А я-то, дура, обещала Ларочке: "Вот увидишь, тетка что-нибудь привезет!"

- А тетка и привезла, - улыбнулась Натка. - Каждой девочке - по колечку. Их там прямо на пляже и продают.

- Где, где колечко? - обрадовалась Лена. И тут же надела кольцо на палец.

- Да-а-а, - разочарованно протянула Зина, - Ленке-то своей лучше.

- Почему лучше? - испугалась Натка: на ровном месте Зина могла обидеться и даже заплакать. - Просто разные, неинтересно же одинаковые. Ларочке светлее, к глазам...

Обиженно моргая, Зина смотрела в сторону. Натка торопливо сунула руку в сумку и - о счастье! - нащупала помидор.

- Ну-ка, ну-ка, - она вывалила все из сумки. - Да их тут целых три штуки! Смотри, какие громадные!

- Давай сюда, - смягчилась Зина. - Хоть что-то...

Она схватила помидоры и ушла в коридор - спрятать в пакет. Алик задумчиво и серьезно глядел ей вслед. Потом встал, взял Натку за руку, потянул в соседнюю комнату.

- Я так соскучился, а ты? - робко коснулся ее плеча.

- Я тоже, - виновато пробормотала Натка.

Впервые она обрадовалась, что им некуда деться. Но Алик торжественно вытащил из кармана ключ.

- Вот! Генка уехал. Почти на месяц. Повезло, правда?

- Ага.

- Давай сбежим?

- Неудобно.

- Эй, вы, - всунулась в дверь разгоряченная Зина. - Чего это вы тут секретничаете?

К счастью, ее позвала мама.

- Странная она у тебя, - сказал Алик, когда скрылась Зина.

- Она не странная, - вступилась за сестру Натка, - она...

- Бестактная, - подсказал Алик.

- Непосредственная, - поправила его Натка.

- Да уж, - хмыкнул Алик.

- Ей и в голову не приходит... - начала было Натка, но Алик перебил с непривычной для него резкостью:

- ...Что твоя дочка тоже любит, например, помидоры.

- При чем тут помидоры? - растерялась Натка.

- Это я так, к слову.

Натка огорчилась и почему-то вспомнила о своей итальянской юбке.

- Зинуль, а юбку ты принесла? - спросила она, проводив Алика.

- Какую? - вытаращила на нее глаза Зина.

- Итальянскую.

- Так я же ее ношу! - возмутилась Зина.

- Понимаю, - кивнула Натка. - Но мне бы хотелось...

- Чудная ты в самом деле, - обиделась Зина. - Тут Вовка черт-те что вытворяет, а ты про какую-то юбку... Ну, я побежала!

- А торт? - встрепелась мама. - Тортик возьми для Ларочки!

Уложили в коробку остатки торта. Зина чмокнула в щеку мать, махнула сестре, потрепала по щеке Лену - та при тетке всегда как-то сжималась - и убежала.

- Натуся, - укоризненно заметила мама, - по-моему, Зина обиделась. Зачем ты про юбку?

- Мне хотелось ее поносить, - объяснила Натка.

Мама скорбно покачала головой, и Натка привычно почувствовала себя виноватой. Но тут ее обняла, к ней прижалась дочка.

- Какая ты красивая, мамочка, как загорела...

И на работе на другой день тоже все говорили Натке, что она помолодела, похорошела и постройнела. Даже Вадим что-то такое буркнул, хотя по обыкновению был затюкан заводскими делами и вообще комплиментов сроду никому не делал.

- Что значит море, - вздохнула Галя, подруга. - У тебя и глаза стали другими.

- Какими?

- Счастливыми. И молодыми. Впрочем, это пройдет, через неделю и следа не останется... Ты там не влюбилась, случайно?

- А что, заметно? - с ходу раскололась Натка.

- Еще бы! И кто ж он такой?

- Биолог.

- Свободен?

- Нет.

- Как зовут?

- Дима. Чудесное имя, правда?

- Имя как имя.

- Нет, ты послушай: Ди-ма... Какое-то очень ласковое.

- Он москвич? Когда приезжает?

- Послезавтра.

- Только не вздумай чего ляпнуть Алику, - на всякий случай предупредила Галя. - Неизвестно еще, что там за Дима, а тут - надежный мужик.

- Но я влюбилась, - стиснула руки Натка.

- Ой, я тебя умоляю, - сморщилась Галя. - Таких любовей...

- Нет, не так... Я и сама не понимаю...

- Вот и не торопись! Подожди хотя бы его приезда. Может, от вашей любви и следа не останется... Эти южные встречи...

- Что ж, ты, наверно, права, - печально согласилась Натка и вечером покорно отправилась вместе с Аликом к Гене. Даже теперь, пять лет спустя, морщится от стыда, вспоминая.

- Что с тобой? - спросил, отодвигаясь, Алик.

Исправно выполнив свой долг, она лежала в тоске рядом с ним.

- Отвыкла, наверное.

- Может, ты там кого-нибудь встретила? - с неожиданной прозорливостью спросил Алик.

- С чего ты взял?

- Так... Показалось...

- Леночка, помоги!

- Иду! - весело отозвалась Лена и отворила дверь ванной комнаты.

Она любила помогать матери, когда та красилась хной, а потом басмой, чтобы приглушить огненный всплеск волос: в такие минуты чувствовала себя в доме главной. Работала, как всегда, старательно, а у Натки даже ладони покалывало от нетерпения.

- Хватит, ну хватит... Чего уж там, каждую прядь...

"Он уже в поезде... Уже едет... Завтра будет в Москве... Позвонить? Подождать? А вдруг

потерял мой телефон, что тогда?"

- Знаешь, - измученно сказала дочери, - давай басму завтра: я что-то устала.

- Ничего себе, - весело возмутилась Лена. - Я вкалываю, а она устала! Так и пойдешь на работу рыжей?

- Перебьются. Сейчас там не до меня.

- Опять поставщики барахлят? - с пониманием спросила дочь.

- Не то слово, - вздохнула Натка. - Теперь каждый сам за себя. "У нас все переверотилось и только укладывается..." Кто сказал, помнишь?

- Кто-нибудь из великих, - отмахнулась Лена. - Слава Богу, цитаты классиков теперь не в моде.

- Может, это и плохо, - назидательно заметила Натка.

- Еще как хорошо! - живо возразила дочь. - Ваши цитаты до чего вас всех довели? Ага, молчишь! Вот то-то...

Никогда прежде так не тревожилась Натка. Наверное, потому, что катастрофы прежде скрывали. "Уже, наверное, подъезжает... Если только ничего не случилось... Позвоню часа через два на вокзал. Или сейчас?" Натка неуверенно покосилась на телефон, и, словно повинувшись ее тревожному взгляду, он зазвонил, затрещал. Никто и глазом моргнуть не успел, как Натка схватила трубку.

- Наталью Ильинишну, пожалуйста.

- Ты? - только и сказала она.

- Я с вокзала. Приезжай, медвежонок! Можешь сорваться?

- Да. Да!

Дрожащими руками Натка укрепила ватман и отошла от кульмана. Галя смотрела на нее во все глаза.

- Так сразу - приехал и позвонил?

- С вокзала.

- Во дает! Ну беги, какой уж из тебя работник.

И Натка рванула из комнаты.

Дима стоял у ларька, как договорились. В руках его белели снежные хризантемы, а у ног стоял чемодан. Он молча сунул Натке цветы, сгреб ее в охапку, прижал к себе. Хризантемы вздохнули и посыпались к их ногам.

- Рыженькая моя...

Тут только Натка спохватилась: до чего ж она в самом деле красна!

- Это я не докрасилась.

- Медвежонок... Убежал все-таки в лес... Сел на поезд да и уехал, шептал Дима, покачивая Натку в объятиях. - Так без тебя было скверно! Валялся целыми днями на пляже и сходил с ума. Забрел как-то вечером в чайную - чуть не сдох от тоски! Куда бы нам деться, где нет никого?

- В Москве - никого? Тут рядом, правда, есть "Встреча".

- Какая встреча?

- Кинотеатр такой... Так называется.

Натка бросила осиротевшие стебли в урну, и теперь ничто их не разделяло. Дима оторвался от нее на минуту, расстегнул пуговицы рубахи. Натка положила руку ему на грудь, потом сунула под рубаху, добралась до выемки у плеча.

- Пошли.

Во "Встрече" еле уговорили пустить: сеанс уже начался.

- Мы тихонько, на задний ряд, - просил Дима и совал контролеру десятку.

- Ладно, идите, - нехорошо ухмыльнулась толстая тетка.

Им было все равно. Ничего не было стыдно. И когда они, как подростки, прижимались друг к другу, и когда он положил руку ей на колено, и когда его рука поползла вверх. Потом они зашли в захудалый ресторанчик со звучным названием "Дубровник", потом сидели в каком-то дворе, откуда их прогнали старухи с поджатыми в злобе губами. Невозможно было расстаться, и они все бродили по летней пустой Москве, а утром не успела Натка проснуться, как он позвонил снова, чтобы сказать, что жаждет, скучает... Положив трубку, посидев и набравшись храбрости, Натка набрала номер сестры.

- Дай мне, пожалуйста, ключ, - тихо и жалобно попросила она. - На два часа... Ну, на час... Мне надо встретиться с одним знакомым... Ведь Лара на даче, а ты уходишь сейчас на работу...

- Тебе что - мало Алика? - бурно расхохоталась Зина. - Однако...

Как ошпаренная Натка бросила трубку. Господи, как же она несчастна! Унижена и несчастна. Лена, правда, все дни то в школе, то у подруг, но мама же никуда не выходит.

- Мамуль, ты бы вышла на улицу.

- Да я лучше посижу на балконе...

Хоть бы она съездила к Зине в гости, пожила б у нее хоть неделю! Но ее туда не зовут, ни разу не пригласили. В маминой комнате прочно обосновалась Ларочка, все будто забыли, чья это комната. И ничего уже не изменишь.

5

Дима сидел в кабинете, делая вид, что работает. На кухне гремела кастрюлями Оля, жена. "Что ж она так грохочет? - маялся Дима. - Хоть бы затворила дверь, что ли..." Можно, конечно, встать, выйти из комнаты, сделать два больших шага по коридорчику и захлопнуть эту чертову дверь. Но тогда он увидит Олю, и ему придется взглянуть ей в глаза. Она о чем-нибудь спросит, и придется ей отвечать.

Нет уж, лучше потерпим: этот грохот не может ведь длиться вечно!.. Чем же она там шваркает? Почему так стучит? Ответ он примерно знал: потому что он ею пренебрегает - так, кажется, говаривали в прошлом веке. Потому что бабу свою он не трахает - так говорят сегодня. А надо бы, ой как надо особенно сейчас, после долгой отлучки. Целый месяц не виделись, положено вроде соскучиться. Вот именно - вроде...

Они всегда, всю жизнь отдыхали вместе - вдвоем, а потом втроем, когда подрос Игорь.

- Мужей одних на море не отпускают, - высказалась как-то раз Ольга.

Они сидели в небольшой, уютной компании, кто-то что-то спросил, и Ольга, усмехнувшись, выдала такой вот текст. Все с готовностью расхохотались. Костя - старый, проверенный друг - обнял Диму за плечи.

- Держись, старик! Ольга твоя - баба железная. А ты, если что, сбеги!

Все снова расхохотались - дурацкой шутке, так похожей на правду. Дима покраснел, взмок внезапно - жуткая духота, да и выпил в тот день немало. Баба... Вот именно баба, а ведь была когда-то премиленькой пышечкой. Ну куда ее разнесло? Женщины как-то стараются, сидят на диетах... И что это, кстати, такое - "не отпускают"? Он разве мальчик? Или ее собственность? От бессильного негодования закололо сердце: конечно, собственность, чего уж там ерепениться... Тридцать лет вместе - с последнего курса, когда все, как сговорившись, бросились жениться и выходить замуж. Бог ты мой, скоро тридцать

лет... И работает в соседней лаборатории, рядом. Полный, абсолютный контроль!

Они и в этом году выбрали две путевки - Костя помог: он в местное, но тут Ольгу свалила стенокардия. Никогда ничего не было, и вдруг на тебе стенокардия! Дима пугался, бегал по врачам, аптекам и магазинам, вечерами честно отсиживал у супружеского мягкого ложа, варил борщи, крутил мясо, жарил котлеты, изо всех сил пытаюсь не думать о море, стыдясь своей радости, какой-то смутной надежды.

- Придется, наверное, сдать путевки, - сказал он однажды.

- Жа-а-алко, - капризно протянула Ольга.

Мокрая прядь белокурых волос прилипла ко лбу, одутловатое лицо перекосила гримаса.

- Еще бы не жалко, - живо согласился Дима. - Но после стенокардии... - Он скорбно покачал головой. - Надо бы спросить врача.

- А то я не спрашивала, - раздраженно буркнула Ольга. - Не пускает... Ладно уж, катись один, кто его знает, что будет дальше: может, соцстраховские вообще ликвидируют!

- А ты?

- Костя обещал "Подлипки" - вообще бесплатно.

- Какие еще Подлипки?

- Здесь, под Москвой. Санаторий такой, сердечный.

- Почему же я ничего не знаю? - нахмурился Дима, стараясь скрыть бурную, неприличную радость.

- А чего трепаться заранее? Еще сглазишь.

Как удивительно, как сказочно все сошлось - молодец Костя! Ведь действительно ей нельзя, в самом деле! Это же сердце - тут шутки плохи! И сын уезжает - со своей дикой бригадой, под Вологду. Раньше мотались тайно, теперь - законно. И платят без всяких там фокусов, без поддельных накладных и "мертвых душ". Кассетник, машина - все оттуда...

- Жениться пора, а он со своими игрушками, - сердится Ольга.

- Успеет, - подмигивает сыну Дима.

- Обстирывай вас тут двоих!..

- Ну чо ты, мать? - тянет Игорь. - А если я не влюбился?

- Влюбился... - кривит губы Ольга. - Глупости! Найди хорошенькую, приличную девушку - чтоб с квартирой, - и устраивай свою жизнь. Влюбился... Скажет тоже...

Она тянет это слово с такой глубокой ненавистью, с таким презрением, что мужчины озадаченно переглядываются. Дима за спиной жены морщится, машет рукой: не спорь, не серди мать. Игорь, поправив пальцем очки, ускользает в соседнюю комнату.

- Двадцать шесть парню и - никого, - ворчит Ольга. - Весь в тебя! Где уж ему влюбиться! Схватить за шиворот - и тащить в загс...

"Как ты меня..." - хочется сказать Диме, но он, конечно, воздерживается: Ольга и без того раскалена добела, зачем напоминать то давнее, унижительное? Они и так его не забыли, оно и так стоит между ними... Интересно, а она-то любила - тогда, тридцать лет назад? Впрочем, не важно, теперь - не важно. Не всем, как видно, это дано, не все на любовь способны, а устраивать жизнь надо всем. Да и прожили они, в общем, неплохо. До встречи с Наткой даже казалось, что хорошо.

Ах, медвежонок, где ты был раньше? Там, на вершине, у могилы Волошина, сидя на горячем от солнца камне, он молил небо: "Не отними!" Приехав домой, постарался не обидеть Олю, но потерпел такое сокрушительное фиаско, что сам поразился.

- В год Чернобыля ехать в Крым... - зевнула Оля и повернулась к мужу равнодушной

спиной. Но утром встревожилась, обозлилась. Вот и гремит кастрюлями...

- Я за хлебом.

- Есть еще.

- Хочется свежего.

Вырвался, слава Богу! На углу телефон - как ни странно, в исправности.

- Она вышла, позвоните позже...

Купил хлеб. Вернулся. Покосился на аппарат. Вот же он, протяни только руку! Нельзя, невозможно: в кухне отводная трубка.

- Куда, интересно, отпрыск твой подевался? - сердится Оля. - Хоть бы женился, что ли: ушел бы от нас скорее. Иди обедать! Опять уселся за рукопись? Я прямо не понимаю...

Где уж ей странное такое понять! На факультет поступила случайно, училась скверно, работает кое-как... Где уж ей понимать...

Все так же грохоча ложками-вилками, с размаху хлопая по доске ножом, Ольга резала хлеб, наливала в тарелки борщ и ворчала, ворчала. Дима поддакивал, успокаивал, смотрел на жену в изумлении, страхе: откуда у нее такая огромная, странная, такая жестокая над ними власть? Ну да, она мать и жена, но он, муж и отец, не имеет же этой власти?

- Что с тобой? Ты меня слушаешь? - крикнула Ольга, и Дима вздрогнул от неожиданности.

- Оставь в покое хоть Игоря! - взорвался он. - Сын хотя бы имеет право распоряжаться собой?

- Что значит "хотя бы"? - подняла выщипанные брови Ольга.

- Не придирайся к словам!

Ольга каменно, угрожающе замолчала. Дима смотрел на ее круглое, замкнутое лицо, гладкие, стянутые узлом волосы.

- Ты б хоть покрасилась, - сказал он в тоске.

- Еще чего! - фыркнула Ольга. - Бегать по парикмахерским!

- Можно самой, - неуверенно предложил Дима.

- Да? - иронически покосилась на него жена. - А ты говорил, седина придает благородный вид.

- Я так говорил? - смешался Дима. - Когда?

- До моря, конечно, - усмехнулась Ольга, и он встревожился: что значит "конечно"?

- Пойду пройду.

- Меня с собой не приглашаешь?

- Почему же...

- Ладно, это я так...

Быстрее, быстрее, пока она ни о чем не спросила, пока не передумала, не раскричалась... Только бы Натка была на месте! Он добежал до угла, набрал номер.

- Да? - с каким-то придыханием спросила Натка, и нестерпимое желание огнем охватило тело.

- Можешь подъехать к Ленинке? Сразу, сию минуту!

Задыхаясь от волнения и быстрого шага, он вернулся домой, проскользнул коридорчик - к себе, к себе! - сунул в портфель два яблока привезли с дачи, - заглянул в кухню.

- Я в Ленинку.

- Ну-ну...

Он уже полчаса торчал возле библиотеки, а Натки все не было, не было, не было... Он

измучился, изождался, извелся и вдруг ахнул - есть же второй вход, центральный! - в панике сбежал вниз, обежал трусцой полукруг, снова пересчитал ступеньки - теперь уже снизу вверх - и там, наверху, сразу увидел Натку. Она честно стояла у высокой тяжелой двери, а его все не было, не было, не было... Волосы у Натки были уже темнее - басма приглушила огненный всплеск, - они свободно падали на белую кофточку, легкая юбка сжимала стан. Боже мой, какая она хорошенькая! Дима осторожно обнял хрупкие плечи, провел рукой по душистым каштановым волосам.

- Что-то в этих дверях я совсем запутался...

Он ткнулся носом в ее душистые волосы. Чем же они так чудесно пахнут? Полеми? Лесом? Цветами?

- Хорошо, что ты позвонил еще раз. Я потом никуда уж не уходила.

Мимо них шли серьезные, солидные люди - с папками и портфелями. Открывалась-закрывалась массивная дверь.

- Пошли отсюда, - сказал Дима. Вот только куда им идти?

Он повел ее в Александровский сад на лавочку.

- Если тебе все равно, медвежонок, - сказал по дороге, - пойдем по этой стороне, хорошо?

- Мне все равно, - сказала Натка. - А почему?

- Ну ведь я же придумал про Ленинку... - простодушно объяснил Дима.

Натка взглянула на него как-то странно, и он смешался.

- Что-то не так?

Она пожалала плечами.

- Не знаю... Разве ты не имеешь права с кем-то идти по улице?

- Имею... Но тут рядом живут наши знакомые...

Дима смешался и замолчал. Ей не понять! У них с Ольгой все общее: дом, дача, друзья. Ох ты дача! Он даже остановился. Ведь уже осень, они наезжают туда лишь по субботам: собрать яблоки, перевезти в город вещи. Если как следует протопить... Но вдруг Ольга возьмет да приедет? И потом, ему настолько не оторваться... А соседи?.. Как же быть? Опыта - никакого: всю жизнь - верный муж...

- Ешь! - Дима протянул Натке яблоко. - Из моего сада!

Надо хорошенько запомнить: все - в единственном числе, а то привык мы да мы...

Натка задумчиво сгрызла яблоко, нерешительно взглянула на Диму. Он придвинулся к ней ближе, обнял за плечи.

- Что, медвежонок, что? Почему ты так смотришь?

- Можно поехать к Гале, - запинаясь, проговорила Натка.

- К Гале? - осторожно переспросил Дима - как по хрупкому льду, боясь поверить, боясь ошибиться. - Ты хочешь познакомить меня с твоей Галей?

- Нет, не знакомить... Она дала мне ключ... Вообще-то сейчас она на работе...

- Так что ж мы сидим? - вскричал Дима, и на них оглянулись с соседней лавочки. - Надо поймать такси!

- Не надо. Это совсем рядом.

Высокий и длинный, в причудливых изломах дом. Они набирают, сверившись с записной книжкой, код - "Сим-сим, открой дверь"... Едут на восьмой этаж - не говоря ни слова и друг на друга не глядя. Натка возится со сложным замком.

- Дай мне.

Дима отпирает дверь, они входят. Он набрасывает зачем-то цепочку, целует Натку.

- Тихо, погоди, тихо...

Два чужеземца в незнакомой стране. Два бесприютных скитальца. В подобных случаях полагается, кажется, что-то с собой приносить - цветы, коньяк, - только не было у него никаких случаев. Ничего-то он не умеет, о тайных встречах на конспиративных квартирах только читал: "Не тронь тарелку: она чужая..."

Прохладные простыни, любимое тело - как шоколадка. Лишь белая полосочка на груди и белый треугольник внизу живота. Дима целует Наткины шею и грудь, губы его спускаются ниже. Нежность такая, что он с трудом удерживается от слез.

- Родная, родная моя!

Он подсовывает руки Натке под спину, прижимает ее к себе, сгорая от нетерпения. И такая в нем сила, такая мощь, как мог он носить этот пламень в себе?.. И вот они уже не два человека, а единое целое, один ритм, одно дыхание, и два сердца колотятся в такт. Как же они подходят друг другу!

- Тихо, медвежонок, тихонечко, не спеши...

- Но я не могу, не могу...

- Ну хорошо, только не так остро, помедленней, подожди...

Но ее желание, этот светлый поток, захватывает его, этой буре противиться он не может! А потом - такая вселенская тишина... Милая, милая... Все забытые, сентиментальные, смешные слова - для нее.

- Надо вставать... - Натка тянется за часами.

- Еще немного...

- Пора... Скоро придет Галя.

- Помнишь, как я оттирал тебя мочалкой - там, в Коктебеле, - а ты смеялась и поворачивалась под душем? Я тебя так люблю, а ты?

- И я.

- Правда?

- Правда.

Встают. Старательно прячут простыни. Гасят свет. Запирают дверь. Ключ - под коврик; он будет лежать там пятнадцать минут.

- Как странно, что мне с тобой ничего не стыдно, - удивленно прислушиваясь к себе, говорит Натка.

- И мне, - эхом откликается Дима. - Как раз сейчас об этом подумал. Почему так?

- Потому что любовь.

- Ага, поэтому. Наверное... Точно... Что же будет теперь, медвежонок?

- Не знаю.

- Я люблю тебя, так люблю! Мне все хочется говорить об этом.

- И мне.

- Правда?

- Правда.

6

- Где ты была? Я звоню, звоню...

В трубке истошный вопль Зины, и от этого вопля начинает бешено колотиться сердце.

- В гостях, - сдержанно отвечает Натка, стараясь говорить ровно и тихо, чтобы успокоить Зину.

- В каких еще гостях? В рабочее время? - грозно вопрошает Зина. Она кричит, хохочет, рыдает: в который раз от нее отвалил благоверный. - Всем на меня наплевать! Ларка в Прибалтике, ты где-то шляешься!

- А мама?

- Что - мама?.. Мне нужна ты!

- Зачем?

- Ах, зачем? Там у Вовки какая-то шлюха...

Натка сжимается: вот как таких называют... Господи, до чего больно! Но что ж это Зина так голосит? От крика ее болит сердце, раскалывается голова, и ничем, ничем Зину не остановишь.

- Ты должна на него повлиять, ясно?

- Как же я повлияю? - вяло сопротивляется Натка.

- Как хочешь! Уговори, пригрози. Ты и начальника его знаешь!

- Нет, - пугается Натка. - Не надо начальника...

- Это еще почему? - бесится Зина.

Натка догадывается, что ее ожидает, но все-таки произносит:

- Потому что не принято, неинтеллигентно.

В голове гул, жарко пульсирует кровь в висках. Напротив, в ящике, анальгин и мамин спазган.

- погоди минуту, - просит Натка, пытаясь дотянуться до ящика.

- Нет, слушай! - велит Зина. - А издеваться надо мной - это интеллигентно? Мучить Ларочку...

- При чем здесь Лара? - вздыхает Натка.

- Как - при чем? - разъяряется Зина. - Ах ты... Ах ты... - и, не найдя подходящего слова, а может, сдержавшись, грохает на рычаг трубку.

Что ж, и это не новость: вечно швыряет трубку, если что не по ней. В таких случаях мама и Натка всегда перезванивают, и, переждав несколько длинных гудков, Зина смягчается. Но сейчас Натка встает, идет к серванту, выдвигает ящик, достает анальгин, возвращается к телефону, задумчиво и печально выкручивает звонок на самое тихое. На улице хорошо... В их Сокольниках настоящее, буйное лето... Натка сбрасывает с себя махровый халат - собиралась поваляться в ванной, - торопливо влезает в серые домашние брюки, застегивает на груди голубую рубаху, сует ноги в старые босоножки, но скрыться не успевает: трещит телефон. Натка дрожит от собственной дерзости: впервые не даст она Зине выкричаться. Ни за что не снимет трубку, не позволит все вывалить на нее, испортить ей такой счастливый, такой удивительный день!

- Мам, я пойду погуляю!

- Но кажется, звонит телефон? - Из своей комнаты появляется мама.

- Мне некогда, я ушла.

Тихо. Темно. Сквозь листву таинственно светят вполне обычные днем фонари. Никого. Все сидят по домам, нырнув с головой в телевизор. Навстречу идет человек с собакой. До чего ж друг на друга похожи! Не глядя на Натку, оба с достоинством проходят мимо - каждый сам по себе, хотя шагают вроде бы вместе. Натка поднимает голову, смотрит в небо - как жаль, что не видно сегодня звезд! Пахнет травой, пахнет липой... Она всегда теперь будет гулять вечерами. Была б у нее собака, они бы гуляли вдвоем - как этот, с догом. Лена в свое время просила, и Натка к тому склонялась, но воспротивилась мама, и обе они смирились.

- Что же ты бросила трубку? - с возмущением встречает ее мама.

- Я? - изумляется Натка.

- Зиночка так обиделась! Ах, доченька, какой он подлец! Съезди, детка, к нему на работу.

- Зачем?

- Как - зачем? - всплескивает руками мама. - Володя тебя уважает, ты всегда их мирила.

- Раньше он уходил к матери, а теперь...

- Деточка, ты должна.

Мама смотрит строго, даже сурово, а сама такая маленькая, худенькая, беспомощная

старушка. Сил уже нет никаких, и как она в самом деле может заставить Натку?

- Хорошо, мамочка, съезжу.

Натка уходит в кухню и слышит, как мама звонит старшей дочери:

- Все в порядке: она поедет, не сердись, Зинуля.

Ужасна эта проклятая слышимость панельных домов!

- Володя?

- Да.

- Встретимся после работы?

Молчание. Вздох.

- Может, не надо? - Он тут же спохватывается: - Нет, конечно, я всегда рад тебя видеть, но если ты насчет Зины...

- А насчет кого же?

- Милая, пощади! Сколько можно? Ведь ты все понимаешь!

- Володя, пожалуйста...

Свояк, как всегда, сдается: не умеет противиться женщинам.

- Хорошо, заеду.

В шесть тридцать его серая "Волга" подкатывает к проходной. Володя открывает дверцу, Натка садится, смотрит на него в удивлении: подтянут, выбрит, веселые, молодые глаза. Ни капли раскаяния! Впервые замечает Натка, как он хорош собой, когда не затравлен.

Они отъезжают в глухой переулок за поворотом, ставят машину и начинают ходить туда-сюда по узкому тротуару. Глядя под ноги, Натка мямлит что-то банальное про общую дочь, прожитые вместе годы, про то, что Зина хорошая, только нервная. Но похоже, ее не слушают: Володя молчит, думает о своем, потом неожиданно останавливается, хватая Натку за плечи и поворачивает к себе.

- Дурочка, - нежно говорит он. - Ничего ты, Натик, не понимаешь. Ведь как я жил? Давным-давно на все уж махнул рукой, думал, все позади, кончено, и вдруг... Не ждал, не гадал, смирился с этим вечным криком, попреками, с тем, что оба несчастны! А тут - радость! И чтобы я эту радость отдал? Никогда! Так ей и скажи: "Никогда".

- И тебе не жаль Зину?

- Еще как жаль! Давно жаль. Как разлюбил, так и жалею. Чувствую себя предателем, негодяем, готов был всю жизнь терпеть - сначала из-за дочери, потом, когда дочь выросла, - от ощущения безнадежности, непонятной, необъяснимой вины. Готов был терпеть вечный крик, жадность, чудовищный эгоизм...

- Что такое ты говоришь?

Свояк взглядывает на Натку и замолкает. Машет рукой.

- Тебе не понять. Вы такие разные! Я, знаешь, часто об этом думал: сестры, а какие разные... Вот скажи, только честно: разве Зина любит меня?

Натка собирается с духом, чтобы соврать.

- Не надо, молчи, - спасает ее Володя. Он снимает галстук, сует в карман, расстегивает ворот белоснежной рубахи. - Она тебе сестра, ну и терпи! А с меня хватит! Я вырвался, понимаешь? Там меня любят, и я люблю. Он гневно смотрит на Натку. - Ты же человек честный, как ты можешь меня уговаривать? Зина не любила меня никогда.

- Неправда, - слабо возражает Натка.

- Да пойми ты, она никого не любит - просто не знает, как это делается! - Лицо его пылает, он идет все быстрее, Натка с трудом поспевает за ним.

- А Лару? - спрашивает она.

- Ну, Лару... Да. Как свое продолжение... Какие же вы слепые - ты, Софья Петровна! А вообще и я был таким: вечные истерики принимал за любовь...

- Володя, я не хочу это слышать!

- Неужели в тебе совсем нет справедливости? - не слушает ее Володя. Ты же видела нашу жизнь! Ведь мы всю жизнь несчастны. А теперь... Хочешь, познакомлю с Катюшей?

Он останавливается, улыбается. Он произносит это простое имя с благоговением, трепетом.

- Нет, не хочу, - торопливо говорит Натка. С ума он сошел, что ли?

- Да-да, ты права, - спохватывается Володя, - так, конечно, не делается... Ах ты моя дорогая... Отвезти тебя домой? - Он так явно, так неприлично счастлив...

- Нет, спасибо, я на метро.

- Ну, как хочешь.

Натка делает последнюю попытку - безнадежную, знает.

- Ты все-таки подумай, взвесь еще раз.

- Нечего мне взвешивать! - неожиданно вспыхивает Володя, и тут только она понимает, как он изнервничался. - На той, второй чаше весов нет ничего, так ей и скажи!

- Может, это увлечение... Оно пройдет.

- Ох, не говори так! Этого я не вынесу.

Натка уныло прощается, переходит улицу и спускается в душное, злое метро. Час пик. Плотная людская масса впихивает ее в поезд. А дома ждет не дождется Зина.

Бедная мама, съжившись в кресле, зябко кутается в большую полосатую шаль: последние годы все мерзнет. На столе горка грязной посуды; обедали, пили чай, потом Зина варила для себя кофе. Натка, конечно, тоже бы что-нибудь съела, но на нее бросаются с двух сторон:

- Ну, как?

Все, что можно, смягчая, стараясь щадить, Натка рассказывает. Мягко советует: надо подождать, повременить.

- Да ты, я вижу, рехнулась! - кричит сестра. - Он там с какой-то блядью...

- Зина, ты что? При маме...

Но разве Зину уймешь?

- Говорила тебе, иди к заводу! Там у них не твой идиотский завод! Это же Минсредмаш! Там с него сдерут стружку, живо домой прибежит как миленький!

- Но сейчас другое время, - напоминает Натка.

- Во тебе - другое! - Ей под нос суют здоровенную фигу. - Ишь ты, другое! Всякие шлюхи будут у порядочных женщин мужей отбивать!

"Неужели она нарочно?" - пугается Натка. А Зина и не собирается держать камень за пазухой; она швыряет его в сестру - прямо в сердце.

- Что молчишь? - зло смеется она. - У самой небось рыльце в пушку!

- Девочки, не ссорьтесь, - пугается мама.

Натка молча уходит в кухню, подходит к плите, чиркает спичкой о коробок. Спичка сразу ломается. Дрожащими пальцами Натка вынимает другую, зажигает газ, ставит на конфорку суп. Влетает Зина.

- Что ж ты ушла? Тут такое творится, а она, видите ли, ушла! Обиделась... Нашла когда обижаться!

- Я с работы, - сухо напоминает Натка. - И, насколько я понимаю, тебе удар судьбы пообедать не помешал?

- Ах та-а-ак... Супом меня попрекаешь? Ну, спасибо, сестрица!

Грохает входная дверь, с потолка сыплется штукатурка.

- Натуся, ты плачешь? - увидев, что дочь смеется, мама пугается еще больше. - Что с тобой?

- Ох, мамочка, ох... С Зиной нашей как ни кинь - все клин...

- Детка моя, Зиночка у нас нервная...

- Садись, мамуль, выпей чаю - согреешься. Хорошо, что нет Лены.

- Да, ты уж ей не рассказывай.

- Почему мы все это должны терпеть?

- Потому что родная кровь.

Часть вторая

Затерявшись где-то,

Робко верим мы

В непрозрачность света

И прозрачность тьмы.

Максимилиан Волошин

1

- Медвежонок, ты меня любишь?

Натка молчит, зарывается глубже в подушку. Хорошо, что темно и не видно ее лица.

- А у нас годовщина. Нам скоро пять, медвежонок. Ты не забыла?

Нет, она не забыла.

- Дима, скажи, почему мы врозь, когда так хорошо вместе?

Дима напрягается, каменеет.

- Мне не хочется говорить об этом.

- Так стыдно делить тебя с другой женщиной...

- Сколько можно повторять: ни с кем ты меня не делишь. И хватит об этом!

- Но я не могу, не могу, - всхлипывает Натка. - И когда ты говоришь о любви, мне все кажется, ты надо мной смеешься.

- Почему? - поражен Дима. - Что за бред, Натка?

- Да какой уж там бред... - Слезы ручьями текут по щекам. Из всех сил Натка старается хоть не всхлипать. - Зачем ты спрашиваешь? Для чего? Хочется еще раз услышать, что тебя всегда ждут, а ты прибегаешь и убегаешь...

- Я же сказал: не хочу больше об этом...

Его плечо - как скала. Натка задыхается от обиды и гнева, самой настоящей ненависти.

- Не могу, не могу, - пытается она объяснить.

- Ну, если тебе без меня будет легче... - тянет Дима.

Что такое он говорит?.. Жар охватывает обнаженное Наткино тело только что его ласкали и миловали, а теперь могут бросить?

- Да, наверное, легче...

Словно кто-то другой произносит эти слова: разве могут они друг без друга?

- Давай подождем немного, - тут же отступает Дима. - Отметим нашу годовщину, потом решим.

Какая там годовщина? Что отмечать? Чего решать? Слова, слова... Страшно и стыдно

лежать с ним рядом, голова раскалывается от горьких, сумбурных мыслей. "Так, наверное, и бывают инсульты", - задыхается Натка. Собрав все силы, рывком встает с дивана, сгребает свои вещички и торопливо скрывается в ванной. Что же делать? Господи, подскажи! Расстаться с ним она, конечно, не сможет. Ждать, пока бросит? Что у него там за Оля такая? Чем его держит? Тем, что больна? Говорит, что-то с сердцем. Может, врет? Но ведь не поехала же она в Коктебель... Страшно выходить из ванной, страшно видеть Диму. Он уже оделся, заварил чай, разобранная постель прикрыта небрежно брошенным покрывалом, волосы приглажены мокрой щеткой. Диме пора домой. Дима торопится.

- Иди, - слабо говорит Натка, - я еще немного побуду.

- С чего ты взяла, что мне некогда? - злится на ее догадливость Дима. - Дай мне хоть выпить чаю.

Прохладный поцелуй на прощание - голодное тело накормлено, нежность уничтожена дурацкими вопросами неблагодарной Натки, - ритуальная фраза:

- Я тебе позвоню.

Да не нужны ей больше его звонки! Они давно уже не приносят радости, после них еще тяжелее. Давно не знает она, что сказать: о самом главном, единственно важном говорить не велено... И все время чувствует Натка, что нет у них будущего, а значит, и настоящего.

Эти женщины... Что им в конце концов надо? Он же любит ее, действительно любит, ведь она ни минуты в этом не сомневается! Никогда, ни с кем не было ему так хорошо, ничего подобного - даже близко! - он не испытывал: такого медленного, глубокого, нескончаемого наслаждения. А какая у нее кожа - тонкая, как у ребенка, а волосы - запах свежести и травы! Зачем ей духи, когда так чудесно, изумительно пахнет кожа? И эти ее прямые плечи, стройная, без единой морщинки шея, фиалковые глаза - смотрят задумчиво, строго, и такая в них глубина... О чем же она все думает? Какие мрачности перед ней маячат? Ведь так повезло в жизни! Есть теплый, надежный дом, есть мама и дочка, есть он - преданный, любящий, постоянный! И с работой повезло, по-настоящему, по-крупному повезло: одних изобретений десятка два, не меньше, и это у женщины! В чем же, черт побери, дело?

Дима спешит домой и сердится, злится, спорит мысленно с Наткой. Кто возит Софью Петровну к врачам? Кто прошлым летом занимался с Леночкой биологией? Разве поступила бы она в МГУ без его уроков? А обои?.. Кто тем же летом клеил обои? Что ли, не он? Зачем же Натка все портит? Отчего так часто у нее на глазах даже слезы? Вечно женщины путают любовь с браком, а это, между прочим, совершенно разные вещи!

А с женой он, кстати, и вправду не спит... Ну, почти не спит... Да какая в самом деле разница? Разве можно сравнить эти механические, судорожные движения - без ласки, без слов - с тем, что у него с Наткой? Нет, женщинам не понять... Если честно, так Ольге уже ничего и не надо так, остатки, поскребыши, в основном самолюбие и тоскливый страх: никому не нужна! Приходится, конечно, считаться...

Дима досадливо встряхивает головой. Ладно, хватит, надо переключаться: он уже почти дома. Обидно, видите ли, одной отдыхать! Да он был бы счастлив! Всю жизнь - как на привязи, хоть волком вой! Коктебель исключение, и то - спасибо стенокардии. Если бы не она... Страшно представить! У него бы не было Натки.

Печальное, обиженное лицо... Легкая фигурка в чужой квартире... Прижать бы ее снова к себе, расцеловать фиалковые глаза... Да что же это? Ведь только что были вместе, а он уже соскучился, и все в нем рвется туда к Натке... Ну, вот и станция, пора выходить.

Пахнет тополем - пока ехал в метро, по Москве промчался теплый, легкий дождь, - сгущаются сиреневые поздние сумерки. Ах, Господи, к чему эти тяжелые, безнадежные разговоры? Все равно ведь ничего не изменишь! Зачем мучить друг друга? Лучше бы еще немного побыли вместе... Дима осторожно скашивает глаза, смотрит вниз. Вроде бы ничего: плащ скрывает его нестерпимое вожделение, а дома ждет проверенное лекарство - Ольга. Стоит ее увидеть, и все успокоится, можно смело снимать плащ и садиться ужинать, притворяясь, будто ужасно проголодался.

- Завтра к обеду будут наши, - встречает его радостным известием Ольга. - Прокрути мясо - я его уже разморозила, - сделаем фарш. Только поешь сначала.

- Как там у них дела? - спрашивает Дима, усаживаясь за стол.

- Хорошо. Теща в Игоре души не чает.

- Он у нас парень что надо...

Дима рассеянно крошит хлеб, поглядывая на Олю. Совсем расплылась за эти пять лет. И распустилась. Ходит в старом халате, стоптанных тапках, с какой-то нелепой тряпкой на голове. Снует между плитой и столом, что-то беспрестанно рассказывая, на диво неинтересное.

Дима кивает, вставляет стертые реплики - "да ну?" и "правда?" и "что ты говоришь?" - стараясь съесть все, что дали, - вообще-то Натка его накормила.

"А ты могла бы бросить свой дом и старуху мать? - продолжает он спорить с Наткой. - Да-да, не хмыкай: я отношусь к Ольге примерно так же... Можешь ты взять чемодан и уйти, а она - как хочет? Да, утомила и надоела, да, старая, некрасивая, но куда же ее девать?.. А дом? Полжизни ждали, стояли в бесконечных очередях, бегали, унижались, интриговали, и - бросить? Или разделить, уничтожить дом? Черта лысого мне позволят! Да я и сам не хочу. Да и делить тут нечего".

- Чего это ты головой крутишь? - с любопытством спрашивает Ольга.

- Задумался.

- Как в институте?

- А его уже, можно сказать, и нет, одно название. Вся надежда теперь на МП: заказов масса - все хотят есть чистые продукты, дышать чистым воздухом... Ничего, старушка, не пропадем. У тебя вон пенсия...

- Не смей называть меня старушкой, - добродушно ворчит Ольга, хмуря светлые брови.

- Не буду, не буду. Ну ладно, где твое мясо? Давай-ка его сюда!

Дима с энтузиазмом крутит ручку старенькой, тугой мясорубки.

- Все, готово!

- Мерси, - кокетливо наклоняет голову Ольга, и Дима пугается: чего это она, а? Ну ладно, не важно, надо еще сделать два звонка и написать письмо в Калининград: завязываются выгодные контакты.

Он смотрит на телефон - Натка, наверное, уже дома, - призывает себя к порядку и звонит директору МП. Разговор долгий и важный. Дважды в дверь всовывается Ольга. Делая зверское лицо, Дима отчаянно машет: "Уйди!" Закончив беседу, выходит в кухню.

- Сколько раз повторять: не входи, когда я разговариваю! Ты меня сбиваешь!

- Но мне надо связаться с Игорем.

Звонит. Уточняет время визита.

- Дай-ка трубку, - смягчается Дима. - Привет, сынище!

Ольга меж тем врубает драгоценный свой телевизор. Наконец-то! Что бы он без него

делал?

- Пока, сынок! До встречи.

Ускользнув к себе, Дима осторожно снимает трубку, набирает привычный номер.

- Медвежонок, ты как? В порядке?

- Хорошо, что ты позвонил, - отвечает Натка.

Что-то в ее голосе пугает Диму.

- Захотелось, и позвонил, - сдержанно отвечает он. На всякий случай по имени Натку не называет, привычно избегает глаголов. Только бы Ольга не схватила параллельную трубку! Но тогда ведь она пропустит что-нибудь важное в idiotских объяснениях героев. Да и кому звонить: подруги тоже ежевечерне смотрят эту галиматью.

- Я все думаю о нас с тобой, - печально шелестит в трубке Наткин голос. - Такое бесконечное унижение... Ты прав - надо расстаться...

Как - прав? Разве он говорил что-нибудь? Да, верно, сегодня... Но это ведь просто так, чтобы опомнилась... Разве могут они расстаться?

- Не надо спешить, Наташа, - выдавливает он из себя ее имя, нарушая табу. - Давай встретимся завтра и все обсудим, идет?

- Нет, не могу больше.

Неужели она плачет? Ах, не надо было звонить; он же видел, что она расстроена.

- Хочешь, приеду? - отчаянно шепчет Дима, и - совсем геройски: Прямо сейчас?

Как - приедет? Что скажет Ольге? Не важно, не важно! Лишь бы остановить Натку. Что-нибудь он придумает.

- Не мучай меня. Пожалуйста, - плачет Натка.

- Нет, подожди!

Короткие гудки - как нож по сердцу: ведь это он всегда первым клал трубку: боялся Ольги. Но сейчас он никого, ничего не боится! Набирает и набирает номер - знакомые сочетания цифр непонятно мучительны. Длинно гудят насмешливые гудки. Она не смеет так с ним поступать! Скоро их годовщина, он припрятал от Ольги деньги, хотел купить индийские бусы... Пять лет - это же целая жизнь!

Ольга снимает параллельную трубку: кончилась очередная бредовая серия, и она спешит обменяться мнениями с подругой - кто кого любит и кто кого бросит. А его бросила Натка... Дима вскакивает с кресла, вбегает в кухню.

- Пойду пройдуся.

Ольга равнодушно кивает. Сейчас ей не до него: она азартно спорит с приятельницей - женится или нет какой-то бездельник, кретин, идиот! С тех пор как ушла с работы, совсем отупела!

У автомата никого, к счастью, нет. Дима звонит и звонит. Натка не берет трубку. Гадина, предательница, родная, любимая! Медвежонок, не делай этого!

2

Высокий человек в черном молча берет его за руку, тянет в гору. Кто он? Откуда? Мрачный капюшон скрывает хмурое, чужое лицо. Куда идут они? Неизвестно. С какой стати Дима ему подчиняется? Извилистая тропа узка и опасна, ноги скользят по глине. Небо наглухо задернуто тяжелыми тучами. Душно, душно... Будет гроза?

Дима стонет, хрипит, задыхается, неведомая сила пружиной подбрасывает его. Схватившись за горло, он рывком садится и просыпается.

Ночь. Спальня. Через тумбочку от него посапывает Ольга. Ни его стоны, ни скрип

пружин, когда он вот так, рывком, сел в постели, ее не разбудят; у Ольги железный сон.

Неуверенной, вялой рукой Дима берет стакан, медленно, глотками, стараясь не торопиться, пьет воду. Глодается с великим трудом: там, внутри, что-то сузилось, сжалось, сухость такая, что не проглотить слюны. Дима старательно, мерно дышит, воздух со свистом вырывается из натруженных легких. Что с ним такое? Почему такая лютая слабость? Холодный пот ручьем струится по позвоночнику - от шеи к самому кобчику. "Натка, я умираю..." Он умирает, а она ни о чем не догадывается. Умирает, а она не снимает трубку! Дима чуть не плачет от страха, бессильного гнева, жалости к самому себе. Вот умрет - она еще пожалеет!

Он встает, сует ноги в тапки, держась за стены, бредет в туалет. Кружится голова, дрожат колени и совсем, ну совсем нет воздуха! В ванной он чуть не падает от слабости, в кухне настезь распахивает окно. Ночная прохлада вливается в комнату. Он дышит, дышит, дышит... Садится у самого окна и вдруг понимает, что плачет. У него никого нет, кроме Натки, а она его бросила! Как - никого? А Ольга, а сын? Да, конечно, только это совсем другое: о них он заботится и за них боится, а любит Натку одну-единственную. Как же случилось, что ее нет больше?..

Утром перепуганная Ольга вызывает врача, и начинается какая-то чушь: чем он болел в детстве, да нет ли у него астмы, да не страдал ли он аллергией? Диме смешно: он-то знает, в чем дело, но причина, по сегодняшним меркам, просто анекдотична. Любовь... Скажите, пожалуйста... Да разве можно назвать врачу такую смешную, несовременную такую причину?

Его везут на рентген - чисто, берут анализы - норма, снимают кардиограмму - сердце работает, как швейцарские патентованные часы. Так, значит, все хорошо? Все прекрасно! А у него меж тем пропадает голос - Дима хрипит и сипит, почти шепчет. Ольга разворачивает бурную деятельность: полоскания, ингаляции - через каждые два часа, куриный бульон, паровые котлетки - прямо в постель. Она варит кисель из черной смородины, подает в чайничке клюквенный морс. Засыпая и просыпаясь, Дима неизменно видит то спину ее, то большой, мягкий живот, обтянутый выцветшим, в цветочек, халатом, то курносое, озабоченное лицо, склонившееся над ним, то болтающиеся в вырезе халата груди, когда, перегнувшись через него, Ольга подтягивает сползшую чуть не до пола простыню. Он старательно возвращает в себе благодарность - и он благодарен ей до смерти! - но измученное сердце рвется туда, на другой край Москвы, где в маленькой комнате, на седьмом этаже серого, невзрачного дома сидит и горюет единственная в мире женщина. Пушистые, как у детей, ресницы, темные фиалковые глаза, широкие, вразлет, брови... Такая красивая, юная не по годам - может, потому, что давно развелась и не мается с нелюбимым мужем? Медвежонок, что ты наделал? Он бы ей позвонил - улучил минутку, - но голос... Услышит его хрип - испугается. А вдруг бросит трубку? Тогда уж точно - не любит. А так все-таки есть надежда...

"Послушай, я тебе все объясню, - уговаривает он Натку. - Ну скажи, как бросить Ольгу? Она ведь даже теперь не работает: закрыли лабораторию, спровадили до срока на пенсию. А Игорь - знаешь - женился, приходит раз в две недели, и то не всегда. И друзей у нее, настоящих, как у тебя, нет, и жить без меня, как ты, она не умеет. У тебя так много всего: мама, Леночка, твои изобретения, а у нее только я и остался. Натка, помилосердствуй!"

- Дмитрий, выпей бульон. Не кривись, не кривись! Пей - выздоравливай!

Ольга садится на край постели - раскраснелась и собою довольна. На подносе большая

глубокая чашка.

- Достала курицу, даже две! Открывай шире рот, а то закапаешь простыни. В магазинах - шаром покати! "Реформа, реформа... Надо отпускать цены..." Так отпускайте, чего тянуть? Может, хоть что-то появится!

Она тараторит без остановки, блестящее от крема лицо светится энтузиазмом. "Уход за большим супругом, - мысленно комментирует Дима. Рада, что немощен и лежу пластом? Рада, что весь в твоей власти? Господи, какая же я сволочь!"

- Олечка, походи отдохни.

Через неделю забежал Костя. Притащил помидоры, оранжевые, сочные абрикосы, обрушил на друга ворох политических новостей.

- Где это видано: целых два президента!

- Так ведь Ельцин - президент только России, - просипел возражая Дима.

- Только! - фыркнул Костя. - Россия - и есть Союз, даже столица у нас одна. Помяни мое слово: вот-вот что-то будет...

Он как раз собирался поделиться с другом своими на эту тему глубокими соображениями, но Дима прохрипел:

- У тебя есть конверт?

- Какой конверт? - опешил Костя.

Дима судорожно схватил его за руку.

- Костя, прошу, умоляю! У нас тут через квартал почта. Сбегай, купи штук пять, нет, десять...

Он закашлялся, задыхаясь, и откинулся на подушки. Как же он раньше-то не додумался? Он напишет ей, все объяснит, он вернет ее, пока не поздно!

3

- Значит, так, дуй в бухгалтерию, заказывай деньги, билет. В общем, знаешь. За неделю справишься?

Натка кивает.

- На всякий случай выписал аж десять дней, - не замечает начальник ее понурости. - Завидую: июльская Ялта! Жара, море, публика легкомысленная не то что в Москве. Ты там, смотри, не влюбись!

Вадим, как всегда, полон энергии, хотя каждодневные перемены бранит неустанно.

- Погляди, что там у них происходит. Постарайся понравиться: тебе с ними работать - года два, три. А там ты у нас опять что-нибудь напридумываешь.

Он вдруг затормаживает торопливый бег слов, внимательно смотрит на безмерно усталую Натку. Что с ней такое?

- Эй, - обнимает ее за плечи, - ты меня слышишь?

- Ага.

- Натусь, - осторожно интересуется Вадим, - что-то стряслось? Как мама?

- Ничего.

- А Леночка?

- На Белом море. Там вся их группа.

- Вот как? - искусственно оживляется Вадим. - И что же они там делают?

- Там у них биостанция. Что-то, должно быть, делают.

- Хорошо устроились! - преувеличенно радуется Вадим. - Белое море, белые ночи...

Но все его восторги падают в пустоту: Натка как неживая. Галя, помнится, намекала на

какой-то неудачный роман с женатиком. Уж эти мне южные встречи... Эх, девочки, девочки, все наши мужские страсти не стоят единой вашей слезинки. А ведь самой хорошенькой была на курсе, да и сейчас хороша. Что же ей так отчаянно не везет?

* * *

- А у нас Зиночка! - радостно встречает Натку мама. - Кушать хочешь? Мы как раз обедаем.

- Да я обедала на работе.

- Эй, сестра, - высовывается из кухни разгоряченная Зина, - а я тут все беляши поела, не возражаешь? Вкуснотища - не оторваться!

- Ты бы, Зиночка, предупредила, что забежишь, - сокрушается мама. - Я б испекла побольше - для Ларочки.

- Ларка у нас теперь замужняя дама, отпочковалась, - хохочет Зина. Сама пусть старается!

- Ну-ну, - как всегда, соглашается с ней мама. - Вы, девочки, тут поболтайте, а я прилягу: что-то спина разболелась.

Натка нехотя садится к столу; кофе она, пожалуй, выпьет.

- Ты чего такая смурная? - веселится сестра. - Ну прямо как мой драгоценный! После этих его закидонов совсем сбрендил! Целыми днями молчит, как немой, а по ночам, представь, курит в кухне. Ромео...

- А с Катей больше не видится?

- Пусть бы попробовал, я б ему показала! - мгновенно свирепеет Зина.

- Слушай, - задумчиво смотрит на нее Натка, - дело прошлое, но тот твой сердечный приступ...

- А как же! - покатывается со смеху Зина. - Лажа, конечно! Ларка, кстати, и подсказала: "А ты, мать, заболей! Я отвалю на дачу, а у тебя что-то с сердцем. Призови спасти!" Новое поколение уж как-нибудь нас поумнее; своего не упустят, не отдадут!

Натка молчит.

- Ну, что? - кричит Зина. - Вовку, что ли, жалеешь?

- Нет, - коротко отвечает Натка.

- А то я не вижу! - расходится Зина. - Ты б еще ее пожалела, блядищу эту! Оно и понятно: рыбак рыбака видит издалека!

Намек оскорбительно ясен... Нет сил слушать Зину, нет сил спорить и ссориться.

- Слушай, я уезжаю в Ялту, в командировку. Через неделю, на десять дней. Возьмешь маму?

Вопрос риторический: мама у них совсем старенькая, и недавно был приступ, маму давно не оставляют одну. Зина умолкает на полуслове, черные выпуклые глаза обжигают Натку негодующим взглядом.

- Куда, интересно, я ее дену?

- Как - куда? - теряется Натка. - К себе...

- На голову, - ядовито подсказывает Зина.

- Почему на голову? У вас же три комнаты.

- Ну и что? - взвывается Зина. - Сосчитала! У меня, между прочим, есть муж, ему покой нужен, он и так нервничает. Зачем ему чужая старуха?

- Тише, - пугается Натка. Встает, закрывает плотнее дверь.

- Да она глухая, - отмахивается от сестры Зина.

- С чего ты взяла? - обижается за маму Натка.

- Ну не совсем, конечно, - смягчается Зина. - Послушай, - ей в голову приходит блестящая мысль, - а ты откажись! Так и скажи: не с кем оставить мать.

- Но ведь у мамы две дочери, - напоминает Натка. - И Вадим это знает.

Она смотрит на Зину во все глаза, она не верит своим ушам: разве можно не пустить человека в его собственный дом? И не просто человека мать... Конечно, можно! Сколько об этом написано и рассказано, но чтоб у них, в их семье...

- Тебе-то что, - поджимает губы Зина и становится вдруг старой и удивительно похожей на мать, когда та сердится. - У тебя же нет мужа. Вот ты и ухаживай!

- А я и ухаживаю, - сдержанно говорит Натка, - но сейчас уезжаю.

- Так не уезжай! - орет Зина. - Сколько раз повторять! Пусть кто другой едет!

- Зина, - утомленно вздыхает Натка, - мне очень трудно сейчас! Так кстати эта поездка...

- Ага, - торжествует Зина, - я так и знала! Небось сама напросилась!

- Нет, что ты, - пугается Натка. - Ведь это мой завод, за мной закреплен, разве не помнишь? А сейчас они собираются делать блоки...

- Скажи, что не с кем оставить мать, - талдычит свое Зина.

- Да как же - не с кем? - не понимает Натка, и от ее растерянного, удивленного взгляда Зина срывается окончательно: наивность этой дурочки просто бесит!

- Не возьму я ее к себе, поняла? - говорит она четко. - Ишь, надумала: кормить третий рот! Старухи всех раздражают!

- Какие старухи? Какой третий рот? - ужасается Натка.

- Не привязывайся к словам!

- Ну хорошо, - сдается Натка, у нее что-то совсем нет сил - давление, что ли, упало? - Хорошо. Поживи тогда тут, у нас. Я набью холодильник, оставлю денег. Маме одной нельзя: она боится. Ты только ночуй, ладно?

- "Ладно..." - передразнивает Зина. - Чтоб он рванул к своей бляди?

- Зина, прошу, ты же знаешь: я не переносу мата... Никуда твой Володя не денется, они, конечно, давно расстались: такое ведь не прощается...

- Ах, скажите, какие нежности! Все прощается! Эта сука только обрадуется!

Бог мой, и это ее сестра, дочка их общей матери! Несчастливая страдальница, всеми жалеемая, опекаемая... А как же иначе? У Натки изобретения и патенты, сплошные успехи, а бедняжка Зина сидит на полставки в библиотеке и вяжет. Правда, всегда неплохо получал Володя, но все равно от Наткиных крупных денег чуть ли не половину - Зине: на куртку, сапоги, модный чешский жакет. Она вроде особенно и не просила, но как-то так повелось: Зина модница, Зина красавица, Зине все надо. А как умеет она радоваться обновкам! Прибегает в новом жакете, крутится перед зеркалом, бросается на шею сестре, призывая всех радоваться с ней вместе. Все и радуются. Но скоро ей опять чего-нибудь не хватает.

Что-то не то они делали? В чем-то ошиблись? Зина вообще-то многого не понимает, чужие беды не чувствует - это Натка всегда с горечью понимала. Надо, наверное, ей объяснить, растолковать, в конце концов есть какие-то правила. Впрочем, правил Зина не признает.

- Понимаешь, - старается говорить ровно Натка, - работать по моим чертежам решили в Ялте. Дают целый цех, понимаешь? Это мое, кровное...

- Понимаешь, понимаешь, - передразнивает ее Зина. - Тоже мне, изобретатель!

- Да, а что? - У Натки падает голос: неужели Зина завидует?

- Ничего... - Губы сжаты в узкую, злую линию, щелочками стали выпуклые глаза. - Откажись, и все. Вадим твой друг, пусть войдет в положение.

- Но какое положение, Зина? Ведь всего десять дней! А хочешь, живи здесь с Володей.

- Нет. Ясно? - Зина тверда как скала. - Хитрая какая! Сама - на море, а я как дура с маменькой? Нет, поняла? Как хочешь, так и устраивайся! Хоть увольняйся!

- А на что я буду жить? - ахает Натка.

- Ну есть же у тебя какие-то сбережения.

Зина встает, резко отшвыривает чашку, так же резко толкает стул и выходит. Окаменевшая Натка слышит, как открывается дверь маминой комнаты.

- Мамуль, я пошла: супруг мой небось заждался. Дай-ка я тебя поцелую.

- Детка, чего ты такая красная? Вы там, случайно, не ссорились?

- Нет, мамочка, что ты...

Хлопает входная дверь, и наступает звенящая тишина. В кухню, шаркая шлепанцами, входит мама, осуждающе покачивая головой.

- Как Зина к нам ни придет, всегда ты ее расстроишь...

"Есть же у тебя какие-то сбережения..." Да если б и были, разве проживет она без работы? Никогда не могла, а уж теперь... Вот-вот превратятся во что-то реальное ее чертежи... Ожило, сдвинулось наконец... Потому что дешево, экономично. Потому что настало время! И надо спешить Натка чувствует это так остро, что не спит ночами. Все вокруг зыбко и шатко, все меняется, разрушается... Надо спешить!

Она возвращается в комнату, стелет постель. Свежий ветер дует в окно, но ей все равно жарко. Обидно и жарко. И еще - страшно: некому рассказать, пожаловаться - она сама бросила Диму. Телефон звонил и звонил, а она не снимала трубку. Потом воцарилась оглушительная тишина: Лена уехала, Дима смирился. Может, и рад, что все она взяла на себя, оставалось лишь подчиниться. Наверное, рад... Конечно...

Господи, что она натворила! Натка сбрасывает с себя одеяло - не думать, не вспоминать... Не получается... Тоскует душа, и мучает, терзает непослушная плоть: что-то жжет изнутри, тянет низ живота. Натка борется изо всех сил, стараясь убить, уничтожить любовь. Только как ее уничтожить? Говорят, уйдет сама. Что ж она не уходит? Говорят, должно пройти время. Так сколько же нужно ждать?

Намучившись, истосковавшись, Натка проваливается в тяжелый сон. Через час просыпается как от удара: ей снилась Зина - кричит, как всегда, и чего-то требует, - и там, во сне, Натка чувствует, что не в силах больше такое терпеть, не желает! Злое лицо, перекошенный в крике рот... "Не хочу, не могу больше!" С этой мыслью и просыпается - в ужасе, что всю жизнь терпела. "Зина - наш крест", - вздохнула однажды мама. Но почему - наш? Кто и зачем заставил Натку нести этот крест вместе с мамой?... Ладно, об этом после. Сейчас надо решать с Ялтой. Что делать? Может, вызвать Лену? Первая ее экспедиция... И как объяснить, почему? Стыдно. Леночка и так многое понимает - подросла и начала понимать. Однажды расплакалась:

- Зачем ты отдала свою шубу тетке? Не хочу ходить в таком страшном пальто!

- Но папа тогда купил мне новую.

- Ну и что? У тебя дочь росла!

- От Зины как раз уходил Володя.

- А он всю жизнь от нее уходит!

- Что такое ты говоришь?

Пристыдила, успокоила. Лена с доводами матери вроде бы согласилась, тетку, как водится, пожалела, но странно так призадумалась: возраст у нее был такой - переходный, критический.

Через несколько дней спросила:

- А почему на день твоего рождения тебе никогда ничего не дарят? Ты тетке - всегда, а она тебе - нет.

- Ну почему? Что-то дарит.

- Ага, записную книжку.

- Потому что у меня как раз вся исписалась.

- Потому что она стоит рубль.

- Как тебе, дочка, не стыдно? Разве дело в деньгах?

- Нет? А тогда почему она их у тебя всегда заранее просит? Перед каждым своим днем рождения. И перед Ларкиным.

- Так ведь не умею я покупать - так, чтоб им нравилось. Вот мы и решили... Ну, любят они наряжаться! Это же ерунда, дочка, будь выше!

- Ты уверена, что надо быть выше?

Натка поворачивается на другой бок, ложится на спину, навзничь. Что же ей такое приснилось, что она сразу все поняла? Отчего-то раньше не понимала, а ведь это длилось годами, можно сказать, всю жизнь, и казалось таким естественным: Зине нужно, а ей не очень, у Зины беды и неприятности, а у нее нет. Но, конечно, если Натке понадобится... Вот и понадобилось. Даже не ей, матери. Нет, все-таки ей, потому что это ведь она, Натка, не может оставить мать... "Старухи всех раздражают..." Невозможно сказать так о матери... Нет, конечно, Зина одумается, это она так, сдуру...

Натка садится на постели, зажигает бра. Хорошо, что нет Лены и можно читать когда вздумается - даже глубокой, глухой ночью... Дима, Димочка, как мне без тебя плохо! Ты еще помнишь меня?.. А ведь старухи и вправду всех раздражают - чужие старухи. Вон Зина от своей отказывается, а он, если б на что-то решился...

- Знаешь, как мы намаялись - я, Ольга, Игорь... Последние годы теща то лежала в больнице, то приходилось ее забирать. А она уже ничего не помнила, не понимала, мы пришили к ее карману адрес, потому что сбегала из дому... Иногда казалось, что мы сами сходим с ума. Твоя-то мама еще молодец...

Конечно, ничего плохого с мамой пока что не происходит, но печали рядом с ней много.

- Так плохо спалось сегодня, - любит пожаловаться она утром. - А тебе?

- Да я ничего, - отвечает Натка и почему-то чувствует себя виноватой.

- Пощупай, какой у меня холодный нос. У нас в самом деле холодно?

- Да, прохладно, - врет Натка.

- Что-то кружится голова. А у тебя?

подавив вздох, Натка соглашается с мамой: голова и у нее тяжелая видно, что-то с погодой... И у нее, оказывается, замерзли ноги, надо включить камин. Она вглядывается в маму, как в зеркало: это ведь ее не столь уж далекое будущее, это ей всегда будет холодно, у нее будут холодный нос и ледяные ноги... Жалость и страх - изо дня в день, постоянно измотали душу. Страх и беспрестанное ожидание. И не знаешь, что хуже: ждать, ждать и ждать или чтоб уж скорее все кончилось. А когда все кончится, тоска, говорят, такая... Особенно у того, с кем жила мама, а значит, и это выпадет на долю ей, Натке. Не думать, не

думать. Что будет то будет. А пока - любить изо всех сил.

И она старается: покупает для мамы вкусненькое, ведет нескончаемые беседы, иногда даже смотрит нудные сериалы, чтобы маме было с кем говорить.

- Зачем он ее так целует? - сердится мама. - Разинул рот, как кусается. Кому это надо?

- Уж конечно, не тебе, - фыркнула как-то Лена, и бабушка на нее обиделась, три дня молчала. Тяжело было в доме!

А ведь и вправду: все, что показывает телевизор, уже не для мамы, никого мнение ее не интересует, никто с ним не считается, только самые близкие, да и то, как выяснилось, не все. Недаром в сказках стариков всегда защищают. Но если защищают, значит, есть от кого... Должно быть, от жизни.

Натка встает, пьет воду, ходит по комнате. Сейчас, вот сейчас от этих простых открытий разорвется сердце. Все, что было в семье, как-то само собой досталось Зине: ведь мама уехала ненадолго, не брать же бабушкино старинное зеркало, серебряный, прошлого века сервиз... А теперь маму в ее собственный дом даже на десять дней не пускают. Ай да Зина! И при том любящая и любимая дочь. Прибегает веселая, возбужденная:

- Ой, мамка, прости: ничего сладкого не купила. Вот, захватила из дома - как раз осталось в вазочке три конфеты.

- Ну что ты, детка, зачем? - всплескивает руками мама. - Надо же: принесла последнее матери! Ну ладно, садись за стол, мы тебя уж заждались.

Зина с аппетитом ест, с удовольствием пьет чай, непрерывно жалуясь на мужа, подробно пересказывает какой-то фильм, ругает свою начальницу, потешно ее передразнивая, просит у всех совета.

- Вот ты никогда мне ничего не рассказываешь, - пеняет потом мама Натке. - Сидишь за своими бумагами...

И Натка опять чувствует себя виноватой.

4

- В чем дело, Наталья? Встретил в коридоре Нину Ивановну, говорит, ты у них еще не была. Им же билет заказывать, а сегодня пятница, короткий день, ты что, забыла?

- Понимаешь, какое дело... - собирается с духом Натка, но Вадиму недосуг ее слушать.

- В десять планерка. На твою, между прочим, тему. Дождалась наконец! Рада?

- Еще бы!

- Ну так беги в бухгалтерию, да скорее, пока не ушел экспедитор. А то придется самой. Знаешь, что творится у касс? Разгар сезона!

- А у нас вечно разгар сезона.

- Тем более.

Вадим уходит, и Натка бросается к телефону: Зина поймет, она сумеет Зину уговорить! Те, ночные мысли, конечно, несправедливы, Зина просто не понимает... Длинные гудки наполняют сердце отчаянием. "Должно быть, спит... Или ушла на работу?" У Зины бесконечные "свободные дни", но сегодня пятница, а по пятницам она, кажется, "сидит на абонементе". Абонемент с двенадцати, но вдруг там кто-нибудь есть? Натка звонит в библиотеку. Никого. Подумав, набирает собственный номер.

- Мам, ты, случайно, не знаешь, где Зина?

- А что? - тут же пугается мама. - Ох, Наточка, чует мое сердце: этот подлец ее доконает!

- Бог с тобой, мама, - успокаивает ее Натка. - Ты же знаешь: она телефон то включает,

то выключает... Не волнуйся, я обязательно дозвонюсь.

В двенадцать снова звонит в библиотеку.

- А она отпросилась, - говорят Натке. - К зубному.

Не успела положить трубку - мама:

- Ну что? К врачу? Просто зубы? Ну ладно.

Что делать? Что же, Господи, делать? Больше ждать невозможно! В час дня Натка получает командировочное удостоверение и заказывает билет. И только тогда по-настоящему начинает заниматься делами.

Но сквозь все дела - неотвязная мысль: что там с Зиной? В три, пересилив себя, звонит Володе.

- Зубы, говоришь? - усмехается тот. - Не знаю, не знаю, когда я уходил, она дрыхла без задних ног.

С тех пор как вернулся, говорит о жене только "она", по имени не называет... Все, бросил трубку. Ни малейшего беспокойства, никакой тревоги не выразил. Он вообще стал каким-то бесчувственным. Иногда Зина привозит его с собой, в гости. Володя сидит и молчит - серое, погасшее лицо, мертвые, пустые глаза. А рядом веселится супруга. Даже маме, кажется, бывает неловко. Интересно, как там теперь его Катенька? Тоже не спит ночами? Тоже мается и горюет?

- Эй, подруга, иди-ка сюда!

Распаленный планеркой, Вадим подзывает Натку к себе. Она садится напротив, записывает, что еще нужно сделать. От объема работы кружится голова - какое уж там море! И все-таки счастье, что она дожила, запросто до внедрения могла бы и не дожить... Но - Зина... Вдруг что-то случилось? Сто раз грозила: "Отравлюсь! Вот увидите!" А что, возьмет да отравится - всем назло. Ведь Зина так импульсивна... И несчастна, в самом деле несчастна. А этот... Вернулся - так живи по-человечески, нечего нервы мотать: молчит как немой целыми днями. И Ларочка совершенно от матери отдалилась: неделями не звонит, трудно, что ли, набрать номер?.. Ох ты, как она сразу не догадалась? Надо позвонить в поликлинику! Сама же прикрепляла Зину - в их, заводскую: бегала, просила, писала под диктовку унизительные бумаги... Натка берет заводской справочник.

- Зубное? Простите, пожалуйста...

Нет, Зины там не было. В половине шестого Натка в последний раз набирает номер сестры. Получив очередную порцию длинных гудков, дозванивается на телефонную станцию, умудрившись протиснуться в крохотный интервал между "занято, занято, занято...".

- Телефон исправен, - сообщают ей.

- Мамочка, это я. Поехала к Зине. Не волнуйся, пожалуйста: у нее что-то там с телефоном.

Напоследок Натка еще раз связывается с Володей. Голос его звучит чуть мягче - наверно, потому, что свояченица без конца извиняется.

- Да все у нее в порядке, - говорит он со странным презрением в голосе. - У нее всегда все в порядке... Ну поезжай, если тебе нечего делать... Нет, я еще посижу на работе...

"Нечего делать..." Да она после сегодняшнего дня еле ноги таскает! Как он может таким быть жестоким!

Натка бежит к метро, обгоняя прохожих, бежит по эскалатору, бежит по переходам. Ею недовольны, на нее ворчат: куда несется эта раскрасневшаяся от подземной духоты

женщина? За две остановки до "Чертаново" ей улыбается счастье: она плюхается на освободившееся прямо перед ней место, пытается даже читать, но быстро сдается, прячет в сумочку книгу и закрывает глаза. В голове одна только мысль: "Лишь бы ничего не произошло!" В семь - последний пробег от метро - автобуса ждать не стала, и вот, прижав руку к сердцу, Натка давит на кнопку звонка.

Никого. Тишина. В отчаянии она звонит снова и снова - внутри нежно заливаются колокольчики. Наконец с той стороны кто-то подходит к двери. Пауза. Настороженный голос:

- Кто там?

Слава Богу! Жива...

5

- Это я. Открой.

Опять пауза. Медленно отворяется дверь.

- Ну, входи. Вот уж не ожидала...

В махровом роскошном халате и замшевых тапочках Зина стоит в проеме, загораживая дорогу. Нехотя отодвигается, впуская сестру. Недовольно смотрит в сторону. Когда Натка была здесь в последний раз? Вспомнить нетрудно: на дне рождения Лары, почти год назад. Почему-то всегда приезжает Зина. Ну, понятно: должна же она повидать мать?

- Что у тебя с телефоном?

- Ничего. Я его не включала.

- Почему?

Зина пожимает плечами:

- Так, не хотела...

- Там же мама сходит с ума!

Дрожащими руками Натка пытается всунуть плоские пластины в розетку. Зина насмешливо следит за ее стараниями. Наконец удается затолкнуть пластины в узкую прорезь, и сразу - отчаянный звон на всю комнату.

Натка хватает трубку.

- Все в порядке, мамуль... Потом расскажу... Зина, тебя!

- О Господи! - Зина, сморщившись, берет трубку. - Не знаю, - цедит сквозь зубы. - Да говорю же, не знаю. Видимо, не прозванивался... Ну ладно, мама, какое это имеет значение, не понимаю...

Зина раздраженно бросает трубку, закуривает сигарету, садится. Распахнувшийся халат обнажает белые, в синих прожилках ноги.

- Почему ты его не включила? - Натка не хочет в очевидное верить, но надежды ее напрасны.

- Сама знаешь, - хмыкает Зина. - Чтоб ты от меня отстала. Ну, чего уставилась?

- Мы волновались...

Что ж это сердце... С ума оно сошло, что ли? Колотится, замирает, летит вверх тормашками в пропасть...

- А в другой раз не волнуйтесь.

Уронив на колени руки, Натка безнадежно смотрит на Зину. Это за нее она переводила английские тексты - на всю жизнь запомнила "Тропую грома", а потом натаскивала Лару: обе к языкам не способны; ради Зины, сгорая от стыда, вела бессмысленные беседы с несчастным Вовкой.

- Скажи ему, скажи! - кричала сестра. - Он поднял на меня руку!

- Если б ты знала, как это мне тяжело...

Но Зина рыдала, ломала пальцы, и Натка сдавалась.

Сердце бьется мучительно, с перебоями: постучит-постучит, и - пауза. Давно пора носить с собой валидол... Боже мой, какая усталость, как хочется пить! Но Натка не просит ни корвалола, ни валидола, ни стакана воды...

- Я улетаю двенадцатого, - говорит она. - Возьми, пожалуйста, маму к себе. Или поживите у нас.

- Да? - смеется Зина. - Вот тебе, поняла?

Она перехватывает сигарету в левую руку, чтобы правой сунуть сестре под нос здоровенную фигу.

- Но у тебя же осталась мамина комната, - собирается с духом Натка. Пусть она в ней поживет, в своей собственной... Может быть, ты забыла?

Запрокинув голову, Зина хохочет до слез.

- Вспомнила... Спихватилась... Поезд, сестричка, давно ушел!

Какой поезд? Куда ушел? Ах да, это, кажется, поговорка такая... Но при чем тут она?

- Ишь, умница! - потешается Зина. - Какая она у нас деловая! Ее изобретения, ее новая технология... Ей, видите ли, дают целый цех скажите, пожалуйста! А я как дура торчу в какой-то зачуханной библиотеке! Нищенская зарплата, злющие бабы вокруг, а дома драгоценный Володечка! А Ларка вчера сказала: "Ну что ты, мать, все звонишь?"

Слезы бегут по ее щекам, в голосе привычные вскрики.

- Вот Ленка твоя пусть сидит! Она ведь, кажется, бабушку обожает?

- Но Лена в экспедиции, на Белом море.

Уж лучше бы Натка не напоминала: Зина взвизгивает как от удара хлыстом.

- В экспедиции? И эта - туда же... Ишь ты, море ей подавай! А ты ее вызови, без нее обойдутся! Тебе-то хорошо: ты и в Болгарии была, и в Кижях - "Ах, какие там церковки..." - даже в Венгрии, а я?

Зина бежит по комнате, взмахивает руками, рассыпая вокруг себя сизый пепел, несет, как всегда, какую-то чепуху, и впервые Натке приходит в голову очевидное: а ведь глупость сильнее ума! Глупость не переубедишь и не переспоришь, к ней невозможно привыкнуть и приспособиться. Глупость бессмертна.

- Хорошо, не волнуйся, - прорывается она сквозь Зинины вопли, что-нибудь придумаю.

И Зина тут же замолкает - как выключенная.

Она садится в кресло, запахивает длинный халат и смотрит на сестру в ожидании. Надо уходить, понимает Натка. Ей бы сейчас глоток сладкого, крепкого чая, но Зина не предлагает, да и хочется поскорее уйти.

- Ну, я пошла, - бормочет Натка. - А насчет мамы ты не волнуйся: как-нибудь обойдусь.

- А я и не волнуюсь, - пожимает плечами Зина и открывает дверь на лестничную площадку.

Уронив на колени руки - пальцы что-то совсем онемели, - Натка долго сидит во дворе на лавочке.

- Вам плохо? Я все смотрю на вас, но, знаете, как-то сейчас не принято... Дать валидол?

Перед Наткой, опираясь на палку, стоит белый как лунь старик и протягивает металлическую трубочку.

- Ох, спасибо.

Натка кладет под язык мягкую большую таблетку. Старичок садится рядом, щурясь на заходящее солнце.

- Не кручиньтесь, милая, - ласково говорит он. - Вы такая красивая, молодая... Все образуется. О-хо-хо, мне бы ваши леты... Помню, тоже все горевал, кипятился... "Если бы молодость знала, если бы старость могла..."

Молодость... В сравнении с ним - конечно.

- Спасибо вам.

Натка встает.

- Посидели бы... Вечер-то какой хороший...

- Мне далеко ехать.

- Ах, вы, значит, не здешняя... То-то я вас раньше не видел. Так это вас в гостях так приветили?

- Ты, конечно, поужинала у Зиночки? - радуется, что все обошлось, мама. - Чем же тебя угощали?

- Мамочка, я устала.

- Ну вот, никогда ты мне ничего не рассказываешь. Не то что Зиночка! Как там у нее?

- Хорошо.

- С Володей уладилось?

- Вроде... Мамочка, у меня болит голова. Пойду лягу.

- Ну-ну, а я еще посмотрю телевизор.

6

Воскресенье. Вечер. Натка лежит на тахте, погасив свет и не двигаясь. Так, наверное, сходят с ума... Она, оказывается, все помнит, ничего не забыла... Все лежало где-то там, в душе, спрятанное до поры, и вот возникло - грозно, неотвратимо, - и что теперь с этим поздним прозрением делать?

...Шесть лет назад умер папа. Они с мамой давно развелись, он давным-давно жил с другой - рыжей, горластой бабой, - но дочерей, как ни странно, не забывал: звонил и с ними встречался, дарил подарки на дни рождения, а внукам - редкие книжки, получаемые по списку. Как-то поехал дней на десять в Германию - единственный за всю жизнь выезд, потому что работал в секретнейшем Минсредмаше, - и привез Натке шариковую ручку, а Зине сиреневую шелковую комбинацию. Все комбинацией восхищались - и редким цветом, и соблазнительным вырезом, Зина ее даже продемонстрровала: надела и прошлась по комнате, как манекенщица. А потом утщила Натку в кухню и зашептала азартно: "Давай отдадим ручку Вовке? Ты ведь шариковые не любишь!" Натка слегка удивилась - откуда она это взяла? - и как замороженная протянула сестре ручку - так горели, полыхали жарким огнем Зинины глаза. Вообще-то у нее была какая-то ручка...

Через месяц папу положили в больницу: обнаружилась опухоль. Сделали операцию - вроде успешно. Не облучали, назначили химию. Папа на глазах таял. Умирал долго, мучительно. Но все-таки успел отправить Зину в пансионат - госплановский, под Москвой. Зина с Володей отдыхали в "Березках", а Натка ездила к отцу в Кунцево.

Он лежал в отдельной большой палате, из носа торчали красные трубочки, по которым в измученные легкие поступал кислород. Когда входила дочь, папа трубочки на мгновение вынимал: так он теперь здоровался. Рядом с ним, на стуле, сидела жена - сгорбившаяся, тихая. Ничего не осталось от той горластой бабы, которую Натка знала всю жизнь. Она кивала Натке, вставала и, неслышно ступая, выходила из комнаты. Натка оставалась с отцом.

Она рассказывала в основном о Лене - в папиных глазах загоралась нежность, иногда о своих делах, все о тех же изобретениях. Отец слушал, дремал, вставлял, задыхаясь, несколько слов:

- Ты у меня умница, молодец...

Как-то Натка спросила:

- Хочешь, приедет Зина? Она к тебе просится, - хотя Зина, конечно же, не просилась.

- Не надо, пусть отдыхает, - прошептал отец.

Через три дня его не стало. Натка позвонила в пансионат.

- Он, наверно, радовался, что успел с путевкой, - услышала она в трубке.

- Как - радовался? Когда? - ахнула Натка.

- Здесь так шикарно, - не слушая ее, продолжала сестра. - Придется теперь подлизываться к директору: посторонним сюда не попасть.

В Кунцево, в ритуальном зале, и потом, в крематории, Натка еще держалась, но дома, вечером, дала волю слезам.

- Что уж ты так рыдаешь? - удивилась Зина. Она, конечно, тоже всплакнула - когда заиграла музыка, - но теперь-то чего? - В конце концов он жил, как хотел... И маму бросил... Знаешь, когда ты позвонила, зашептала она, поглядывая на кухню, куда ушел покурить Володя, - мы как раз собирались на танцы. Ну, я своему ничего не сказала: как-то неудобно, правда? А после он мне такое устроил... Когда узнал... Ему - лишь бы повод...

Натка в ужасе уставилась на сестру. Черные глаза обиженно смотрели в сторону.

- Как, в день смерти отца ты пошла на танцы?

- Ну вот и ты туда же, - совсем обиделась Зина. - Мы ведь уже собрались, и, между прочим, джаз из Москвы приехал! Ну не пошли бы мы, что б от этого изменилось?

"Господи, - обожгло Натку, - да она никого не любит!" В тот черный день эта мысль впервые пришла ей в голову, но она тут же торопливо додумала: "Кроме нас...", имея в виду себя, маму, Лену. Не позволила себе тогда понять до конца. Испугалась, должно быть.

- Слушай, ты только не злись, - сказала недели через две Зина, - но мне, например, дали помощь.

- Какую помощь? - не поняла Натка.

- На похороны отца. Написала заявление - и дали!

Натка безмолвно уставилась на сестру. Черные глаза горделиво и глупо встретили ее взгляд: вот такая она молодец!

- Но мы же не хоронили, - обрела наконец дар речи Натка.

- А венок? - воскликнула Зина, хотя венок заказывала, разумеется, Натка.

- О чем ты говоришь? - застонала она. - Опомнись... Ну ладно: что сделано - то сделано.

Отдашь деньги вдове?

- Не говори глупости!

Почему, ну почему Натка снова подавила внезапный страх: как можно такое придумать? Зачем постаралась все скорее забыть? Берегла, должно быть, свой внутренний мир, свое понимание жизни... На что же она надеялась? Думала, ничто подобное ее не коснется? В самом деле, ведь от Зины ей ничего не нужно, она - сторона дающая. Да, но мама... И, застав от невыразимой муки, Натка вспоминает мамин инфаркт.

Девочки в тот тяжелый год учились в школе, Зина тогда не работала: разругалась со всем отделом, довела начальника до нервного срыва.

- Он сказал: "Уходите, а то я за себя не ручаюсь!" - рыдая, пересказывала Зина. - Вы мне физически неприятны!"

- Так и сказал - "физически"? - расстроилась Натка. - Ты только Володе не говори.

Но Зина, как водится, не удержалась. Володя молча и мрачно выслушал невозможные эти слова и тут же забрал жену с работы. Устроил через полгода в библиотеку, на полставки.

Так вот. Мама лежала пластом - тихонькая старушка, - Натка с Леной суетились вокруг нее, а Зина истово сражалась с дочерью. Что там у них стряслось, Натка толком не знала, потому что мама перестала есть, и нужно было тереть для нее морковь, чтобы делать сок, а морковь в их районе как раз исчезла, и приходилось таскать из центра тяжеленные сумки; доктор велел достать компламин, а его тоже не было.

Сестра звонила каждый вечер - по три, по четыре раза, - все рассказывала, какая гадина ее Ларка.

- Это же дочь! - вскрикивала она. - С ней ведь даже не разведешься! Это ж не Вовка...

Только прибежит Натка с работы, станет тереть морковь - звонок. Поговорит, успокоит Зину, вернется к моркови - опять звонок:

- Вот я еще что вспомнила...

И однажды Натка, осатанев, не выдержала:

- Да плевала я на твою Ларку! У меня мама тут умирает - между прочим, это и твоя мать тоже! Пол-Москвы ищет ей компламин, а ты все о том, какая дрянь твоя дочь...

Зина страшно обиделась, бросилась защищать дочку, на другой день не звонила, а еще через день сухо и коротко сообщила, что достала лекарство подумавшись! У нее везде были связи.

Встретились у метро, в назначенное Зиной время. Натка бешено благодарила, Зина великодушно отмахивалась:

- Ладно, чего уж там...

Денег за компламин не взяла.

- Да он дешевый, достали в Кремлевке. Там у них все дешевое.

И виноватая Натка благодарила снова и снова.

"Что ж Зина-то не сидела с матерью? - терзалась она теперь, в горькую ночь прозрения. - Не терла морковь, не таскала сумки, не подменяла нас с Леной хоть изредка? Почему в те страшные дни как-то особенно мучила своими воплями? Может, как раз поэтому: чтоб не вздумали беспокоить? Боже мой! Глупая Зина... Да она в сто раз умнее меня! Ну, хватит, хватит... Ничего уже не поделаешь, не изменишь и не исправишь. Теперь надо думать, как быть с Ялтой..."

Натка устала, закрыла глаза. Хоть бы она рассказала, что ли, Володе. Он, конечно бы, возмутился, накричал на жену... Ах, хорошо бы... Пришел спасительный сон и унес на время ее проблемы.

7

В Ялте было много всего: с утра до ночи - на заводе, а в гостинице кипы бумаг. И все-таки она бегала к морю: купалась, стараясь получить удовольствие, любовалась, стараясь наслаждаться, пейзажем. Плохо это ей удавалось! Потому что море теперь для нее - Дима. И горы - Дима. И все вокруг.

"Медвежонок, что ж ты плавать не научился? Медвежата, говорят, здорово плавают!"

Нет, она больше не в силах! Приедет - и позвонит. Какое там самолюбие? Какая гордость, достоинство, когда нет без него жизни? Вот она идет в цех, что-то объясняет, отстаивает, и рада, что ее понимают; вот ужинает в блинной, на набережной, а вокруг музыка, смех, веселые лица; звонит в Москву, говорит, что задерживается, и Зина,

сменившая гнев на милость - перед самым отъездом, - как ни странно, не возмущается и не протестует. И все время как будто смотрит какой-то фильм, где она - всего лишь действующее лицо. Смотрит пусто и отстраненно, даже без любопытства. Надо выйти из зала, оставив фильм там, в темноте, надо вернуться в жизнь. Скорее - в Москву!

- Тут тебе целая куча писем, - считает нужным сообщить Зина. - Вон, на столе.

Родной, стремительный, единственный в мире почерк!

- Что ж ты не говорила? - ахает Натка. - Ведь я звонила!

- А ты не спрашивала. Ну, пока.

- Дай-ка я тебя провожу, - спешит к двери мама. - Спасибо, детка. Ты уж звони почаще: я к тебе так привыкла. Ната, ужин в духовке, Зиночка сделала такое мясо!

- Потом, извини. Потом, мама.

Натка плотнее закрывает дверь, чтоб не мешал телевизор - мама сразу его включила, - какое-то время робко смотрит на письма, изучая штемпеля, даты. Потом ледяными пальцами, дрожащими от волнения, тревоги и неизвестности, открывает первое, отосланное так давно, в начале июля...

8

Милая моя, дорогая! Пишу "моя" и боюсь, что уже не имею на это права. И когда думаю, что вдруг кто-нибудь... Но это ведь невозможно, да? Не может такого быть, правда? Помнишь, как мы однажды поссорились, и я уехал с горя в командировку? Конечно, не выдержал, сразу - оттуда, из Харькова позвонил, а ты сказала: "Я без тебя просто осиротела..." Как я тебя теперь понимаю! Воистину так! После того твоего звонка я, как положено мужику, хрястнул водки, провалился в сон, а утром проснулся с ощущением катастрофы - глобального, чудовищного одиночества. И нечем дышать, и пропал голос. Только не думай, будто я что-то выдумываю, преувеличиваю, бью на жалость! Все это - истинная, святая правда: я действительно заболел, а чем - непонятно. Если бы я сейчас тебе позвонил, ты бы не узнала мой голос. Да его почти и нет. И дышать нечем - вот странно...

Никто не понимает, что со мной, один я догадываюсь. Но так разве бывает - заболеть от любви? В наше-то время! Оказалось, что я не могу без тебя жить, но ничего не могу изменить в той судьбодробительной ситуации, в которой вдруг оказался. Видела бы ты, как мечется Ольга! Варит бульоны - я их так ненавижу! - замучила докторов, а те лишь разводят руками. Пишу все, как есть, как на исповеди, клянусь! Что уж теперь, когда ты меня бросила! И все думаю, думаю - о тебе, о себе, об Ольге. Иногда делаю вид, что сплю, а сам за ней наблюдаю: седая, растрепанная, несчастная, совершенно перестала быть женщиной - не знаю, понимаешь ли ты, что я имею в виду, - и никто, никто на свете так уже к ней не относится. Раньше хоть на работу ходила, что-то такое на себя надевала и красила губы... Они там, в лаборатории, целыми днями гоняли чай и сплетничали, но все-таки ставили опыты и хоть как-то общались...

Дорогая моя! Никогда тебе не понять, как маются на работе такие, как Ольга! Не нужна она им, и ей они не нужны и не дороги. Ты даже не представляешь, какая ты счастливая! Помнишь, как-то спросила: "Ты чему улыбаешься? Я ему жалуюсь, а он улыбается!" А я слушал тебя и радовался: как же ты увлечена своим делом - своими знаменитыми блоками! Сколько чувств они в тебе вызывают! И все твои беды от счастья. Ольга же лет двадцать мечтала о пенсии. Наконец дождалась, получает, но стало ей еще хуже.

Господи, что я пишу? Ведь мы с тобой давным-давно, еще в первый год решили: никогда не говорить о моей жене, вообще о других женщинах. Прости, прости! Но я все

пытаюсь тебе объяснить, что невозможно развязать этот узел, хотя у других как-то вот получается... Болит голова, и такая сумятица в мыслях... А тут еще Костя отсвечивает! Сидит, терпеливо изучает "Известия" и ждет, когда я отдам ему письмо, чтобы он опустил его в ящик.

С утра до ночи, и ночью, во сне, я все говорю с тобой - объясняю, спорю, упрощаю, прошу простить и вернуться. Ты заполняешь меня всего, целиком, и чувство такое, что из меня вынули душу и осталась лишь оболочка, а внутри пустота. И я точно знаю, что происходит: от меня ушла радость жизни, пропал ее великий, непостижимый смысл.

Помнишь, ты удивлялась, что я никогда от тебя не отвыкал, даже если мы расставались надолго? Это потому, что я всегда чувствовал тебя рядом, ты просто жила во мне. И сейчас, когда я вот так с тобой разговариваю, это чувство на время вернулось. Оно уйдет, лишь только я отдам письмо, и я боюсь этой пустоты, которую постоянно теперь ощущаю. Но ничего не поделаешь, пора ставить точку: Костя вздыхает и поглядывает на меня. Прости меня! Прости за все, что я для тебя не сделал. Прости за каракули: дрожит рука, и в глазах слезы. Это, наверно, от слабости. М.

Натка испуганно сидела в кресле, глядя на желтоватые листки, исписанные косым Митиным почерком. Что с ним случилось? Чем он заболел? Как его болезнь называется? Ведь должна же она как-нибудь называться? Почему-то казалось, что если будет название, то все не так страшно. Значит, он болен, а она не знала! Он любит, а она его бросила... Какая же она глупая! Вот уж действительно - психопатка.

Бережно и печально вложила Натка смятые листки в конверт и взяла второе письмо.

Завтра придет Костя, и я отдам ему второе письмо. Какое счастье, что можно писать целый день сегодня и еще полдня завтра и не нужно спешить! Не знаю, имею ли я на это право - я стал таким нерешительным, - но ведь мои письма тебя ни к чему не обязывают, а меня спасают: я вспоминаю и вспоминаю и только теперь живу.

Там, в Коктебеле, я сразу понял, что это любовь, что ничего похожего в моей жизни не было. Помнишь, мы ходили к Волошину, и я сидел на камне, лицом к солнцу, а ты еще подумала, что я странный? Ты потом мне сказала об этом. А я вовсе не странный, просто много знаю - того, о чем не принято было ни говорить, ни писать даже нам, биологам: о космической энергии, например, ее влиянии на всех нас, нашей от нее зависимости. Можешь, если хочешь, назвать эту энергию Богом, можешь называть ее как-то иначе, но она есть, и все мы - ее дети. Как мало все-таки мы с тобой разговаривали, как о многом не успел я тебе сказать, потому что всегда рвался к тебе, к твоему упоительному телу (прости мне это старомодное слово, не смейся, пожалуйста, надо мной!), к твоим нежным губам, роскошным твоим волосам! И когда я смотрел в твои фиалковые глаза, то задыхался от счастья, и опять нам было не до бесед. А теперь мне так хочется говорить с тобой! Ты бы узнала, какой я неглупый. А может, даже и умный.

Там, на вершине, где - помнишь? - гулял и свистел ветер и сверкало белое солнце, я набирался - не смейся! - этой могучей энергии, чтобы передать ее тебе, чтобы тебе со мной было радостно и спокойно, чтобы нестерпимое мое желание не испугало и не утомило тебя. По-моему, это мне удалось. Ты часто говорила, что долгая наша близость никогда не утомляет тебя, что тебе со мной легко и спокойно. Спрашивала, почему. Вот поэтому. А помнишь, однажды я взял тебя за руку и подвел к зеркалу, чтоб ты увидела, как ты помолодела, какой стала красавицей за два часа, проведенные нами вместе? Помнишь?

Люди с годами относятся друг к другу проще, спокойней - чувства смягчаются, утихают.

А у нас все шло по возрастающей, правда? Наши желания становились глубже, сильнее, потому что в нас жила, не умирала настоящая, космическая - не смейся! - любовь. Она встречается очень редко, свою женщину мужчина ищет всю жизнь - там, в глубине, на уровне подсознания - и не так уж часто находит. Мы нашли друг друга, отыскиали любовь, зачем же ты задумала ее погубить? Ничего из этого - так и знай! - все равно не получится, хотя, может быть, я излишне самоуверен, может, у тебя получилось, и ты меня больше не любишь? Но я в это не верю: ведь все эти годы мы чувствовали одинаково, и если я так страдаю... Боже мой, а вдруг так же страдаешь ты? Я просто холодею от этой мысли и молю природу - не надо...

Прости: получается какой-то бред, но перечитывать и исправлять ничего не буду. Я всегда был с тобой искренним, хотя разговорчивым не был, и теперь мне хочется, чтоб ты знала, что я безумно - понимаешь, безумно! жалею об этом. И страдаю при мысли о том, что ты не знаешь, как сильно, навсегда я люблю тебя. Не знаю, увидимся ли мы снова. Звучит, наверное, истерично, но почему-то мне страшно и еще поэтому хочется говорить с тобой без конца, пусть это даже будет, как теперь, монолог.

Болит, ну просто раскалывается голова. И опять нечем дышать. До завтра! Целую твои душистые волосы. Целую глаза твои. Дима.

Натка улыбнулась - растерянно и счастливо, - вздохнула, покачала на ладони листок. Впереди у нее целая ночь с его письмами, а значит, и с ним, с Димой. Как она без него устала! Но теперь все вернется, и будет все хорошо. Стыдно радоваться - ведь он болен, - но не радоваться она не может.

И она распечатала третье письмо.

Вчера я заснул счастливым, потому что знал: утром снова буду писать тебе и с тобой разговаривать. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, но это было бы слишком уж экзотично. Так вот, я уснул, и ты мне сразу приснилась: молодая, красивая, радостная. В тебе вообще много чудесной веселости, знаешь ли ты? У нас народ в основном-то мрачный, и есть отчего. Ты-то как умудрилась сохранить такую юную радость? Конечно, и ты бывала разной, особенно в последнее время, но сейчас я вижу тебя такой солнечной и открытой, какой встретил там, в Коктебеле. Помню, меня поразила твоя улыбка - ласковая и беззащитная. Улыбка и свет в глазах. Говорят, возраст женщины выдают руки и шея. Нет, его выдает выражение глаз! Помнишь, как сильно ошибся тот бородатый художник на набережной, который надумал тебя рисовать? Помнишь, как ты смеялась: "Вы уж очень не огорчайтесь!" Все письмо я могу заполнить одним этим словом - "помнишь". Вспоминаю всю нашу жизнь, день за днем. И все эти дни были счастливыми! Вот я пишу твое имя и уже счастлив, дорогая моя...

Сегодня так давит небо, так нечем дышать. Врач говорит, распухли бронхи. Что это, толком не знаю, но дышать трудно. И мне все кажется, будто я не сказал тебе что-то самое важное, главное, основное. Тороплюсь сказать и боюсь - не успею. А люблю так, словно настал мой последний день. Только этого ведь не может быть, правда? Не может быть, чтоб мы больше не встретились! Или не суждено? Дух человеческий обычно долговечнее тела, но если я оклемаюсь, то первое, что сделаю, - прибегу к тебе. И ты не сможешь, не посмеешь оттолкнуть меня: любовь и так вечно гонима, все всегда против нее. Кроме тех, кто любит.

И я хочу, чтоб ты знала: все, что ты читаешь сейчас, все, что я говорил тебе прежде, шептал в лучшие наши часы, - все правда. Я так старался, чтобы было тебе хорошо! Сделал все, что в моих силах, кроме, наверное, главного, потому что не смог нанести удар женщине,

с которой прожил жизнь и которая не виновата же в том, что я так безумно влюбился там, в колдовском Коктебеле, и ясно уже, что влюбился до конца моих дней.

Все, целую. Звонят. Это пришел Костя.

Натка пересела к столу, зажгла настольную лампу. Сквозь радость и нежность и благодарность судьбе пробивалась тревога. Она росла и росла, и скоро не осталось уже ничего, кроме нее. Что с ним такое? Может быть, астма? Или что-нибудь с легкими? Что?..

Сегодня выбрался на улицу, чтобы написать на свежем воздухе и опустить самому очередное послание. Не в силах ждать, пока снова придет Костя! Хорошо, что существует в природе лифт: даже три ступеньки крыльца для меня теперь тяжкий труд. Слабость чудовищная! Может, от того, что лежу? Надо, наверное, вставать, двигаться, что-то делать. Нестерпимое желание писать тебе выгнало меня из дому, и вот сижу на лавочке и пишу и думаю - о тебе, о себе, о нас вместе.

Как назло, в воздухе с ночи висит густая влага, трудно дышать и дрожат руки - не сердись за почерк. Зябко... Видно, плохо оделся - думал, лето... Так что письмо будет коротким, не сердись, маленькая. Написал - и опять стало страшно: вдруг письма мои тебе не нужны? Вдруг ты их рвешь, не читая?.. Помнишь, ты как-то сказала: "Любить меня - твоя карма"? Это когда я безуспешно пробовал тебя просветить: рассказал кое-что об Индии, об их философии. Но кармой это стало только теперь - наказанием, роком. Раньше это было просто счастьем.

Что ты делаешь, рыженькая? Сидишь над чертежами? Помнишь, какой огненноволосой ты меня встретила, когда я вернулся из Коктебеля? Ты мне все объясняла, что не успела чем-то докраситься, а я смотрел на тебя и думал, какая же ты трогательная и смешная и как я тебя люблю. Почему я не говорил тебе о своей любви бесконечно? Вдруг ты не знаешь?.. Так что же ты делаешь? На заводе - представляю, а дома? Как всегда, сидишь за письменным столом? Застольная работа тебе к лицу: ты вся преображаешься, все лишнее отбрасываешь прочь, и даже волосы завязываешь в хвостик, чтоб не мешали.

Несколько раз я приходил, когда ты работала, и ты при мне вставала из-за стола. И я в изумлении видел, что ты чуть досадуешь на то, что приходится отрываться, пусть даже ради любимого - во всяком случае, тогда человека, и стал следить за собой, чтобы не приходить раньше условленного... А знаешь, я ведь тобой горжусь - тоже почему-то никогда тебе об этом не говорил, - горжусь твоими успехами, а главное, тем, что при общем сумбуре ты упрямо делаешь свое дело. Интересно, получилось что-нибудь с Ялтой?

Если нет, если в очередной раз все отложится, умоляю тебя: не расстраивайся! Такая у нас страна - северная, неторопливая, что же делать!

Если б ты знала, как я желаю тебе удачи! Как кровно касается меня все, что с тобой происходит!.. А теперь надо дойти до угла, чтобы отправить письмо. Говорят, письма теперь вынимают редко, под настроение, говорят, лучше опускать их у метро, но туда мне, кажется, не добраться. Можно попросить кого-нибудь, но я не решаюсь. Не потому, что боюсь чужой забывчивости, а потому что... Не знаю почему... Это наше с тобой, касается только тебя и меня - вот в чем дело.

Целую тебя, люблю! Готов кричать об этом на весь белый свет! Жаль, нет голоса. У нас с тобой была и осталась - куда ей деться? - любовь. Знаю это и в это верю. Как верю и в то, что мы вернемся друг к другу. Дима.

Звонок. Натка в отчаянной надежде хватает трубку. Но это Галя.

- Прибыла? Как дела? Что молчишь-то?

- Читаю Димины письма.

- Да ты что? - ахает Галя. - Он прислал тебе письмо?

- Не письмо, а письма.

- И много?

- Шесть штук. Он болен, Галя, пишет, что болен.

Галя молчит.

- Але?

- Что-то не верится...

- Да? - с надеждой спрашивает Натка. - Хотя вряд ли... Вот слушай!

Она читает про его дыхание. И как он вышел на улицу, и как спускался с крыльца.

- Да-а-а, - тянет обескураженно Галя. - Ухайдакали мужика.

- Я ухайдакала? - обижается Натка.

- Обе... Слышала поговорку: "Двойная жизнь укорачивает жизнь вдвое"?

- Галочка, не надо, - просит Натка.

- Да не жалей ты его, - сурово велит Галя. - Они нас никогда не жалеют. Как им надо - так все и делают. Скажи лучше: как с Ялтой?

- Нормально. Завтра увидимся.

Натка кладет трубку, идет в кухню, варит кофе. Она нарочно делает перерыв, пытаюсь хоть как-нибудь успокоиться. Нет, ничего не выходит! И не жалеть Диму не получается.

Дождавшись появления легкой коричневой пенки, Натка снимает джезве с плиты, ставит на блюдце и уносит в комнату. Наливает кофе в чашку, делает, обжигаясь, два судорожных глотка и распечатывает предпоследнее письмо.

Я мог бы любить тебя всю жизнь, медвежонок. Чем больше мы были вместе, тем сильнее ты мне нравилась, тем крепче я привязывался к тебе. И всегда, всегда хотел тебя - нетерпеливо и нестерпимо. Когда я встану с постели и прибегу в твой дом, пожалуйста, не гони! Ведь все еще можно вернуть: мы пока никуда не ушли друг от друга. Прости, что пишу во множественном числе, но почему-то верю, что мы по-прежнему чувствуем одинаково. У меня теперь есть цель - грандиозная, великая цель - добежать до тебя, и поэтому изо всех сил я стараюсь выздороветь, даже пью это чертово молоко!

Когда же, когда я тебя наконец увижу? А вдруг - никогда? По ночам из груди рвется тонкий, противный свист, и кажется, что с жизнью связывает лишь узкая щель в распухшей гортани. И если она сомкнется, то все для меня будет кончено. А ты где-то там, на другом конце города, и я о тебе ничего не знаю... Всегда не любил терять тебя во времени и пространстве, мне всегда нужно было знать, где ты, что делаешь: только тогда я чувствовал себя спокойным.

Если у меня хватит сил и решимости и я позвоню, не бросай, ради Бога, трубку, не добивай меня! Ведь я знаю: ты можешь взять да и бросить трубку от обиды, назло нам обоим. Ты ведь очень невзрослая, медвежонок, и все эти годы я, как мог, старался тебя защитить - от такой хищницы, как твоя, например, сестрица, от эгоизма твоей старенькой мамы, которая ждет и требует от тебя всего, а от второй дочери - ничего. А сейчас понял, что и сам забирал от тебя радость, свет. А что давал? Любовь... Да, конечно... Но и печалил много и не пришел совсем, навсегда. Потому что у Ольги, кроме мужа, и нет ничего, а у тебя, при всех сложностях твоей жизни, всего так много! Ты глубоко ее чувствуешь, ты любишь ее, - а это, в такой полноте, дано не каждому. В том числе и поэтому тянутся к тебе люди.

Пять лет я берег и охранял наш союз - случилось, и от тебя. Не знаю, что дал он тебе,

медвежонок, но меня совершенно преобразил. Тебе я обязан самыми счастливыми днями моей жизни, поверь! А ты? Разве ты не была эти годы счастлива? Разве к тебе, как ко мне, не вернулась юность?

Разлука с тобой мучительно тяжела, а чувство вины просто невыносимо. Эти два камня давят мне грудь, наверное, еще потому так трудно дышать. Вот я и пишу это нескончаемое письмо, разделяя его на части, чтобы стало мне легче. Это эгоизм, да? Дима.

Неужели он ей позвонит? Натка прижала листки к пылающему лицу. "Позвони, позвони, позвони! Теперь я все поняла. Как хрупка, ненадежна жизнь, сколько в ней зла и бессмыслицы... И разве можно в такой вот жизни терять любовь - самое ценное? И не надо, чтобы она стала злом, причиняла кому-то боль. Зачем выбирать, если выбрать все равно невозможно? Позвони, дорогой мой".

Последнее письмо оказалось самым толстым. Натка осторожно надорвала конверт и увидела внутри второй, сложенный вдвое. А к нему записка, прикрепленная скрепкой: "Я не смог, не посмел позвонить: боялся, что не справлюсь с дыханием и не совладаю с голосом. Напиши мне, Христа ради! Теперь я сам вынимаю почту, специально спускаюсь каждое утро. Посылаю на всякий случай конверт: вдруг у тебя нет? И пока ты будешь бегать на почту, пройдет же время!"

Натка невольно улыбнулась: а еще говорит, что она смешная...

Помнишь, весь первый год ты сердилась, что я прибежал взмокшим и запыхавшимся - так хотелось мне поскорее тебя увидеть? Ты с трудом отучила меня от этого. Теперь признаюсь: я и потом бежал, но останавливался и какое-то время стоял у подъезда, чтобы войти спокойным, вроде бы не спеша. И сейчас я бегу к тебе, тороплюсь из последних сил. Глотаю всякую дрянь, мажу ноги отвратительной, вонючей мазью: какие-то там вспухли пакостные узлы. Готов на все, лишь бы скорее тебя увидеть! Напиши, что ты меня не прогонишь, а то я боюсь... А помнишь, как мы однажды поссорились, когда ты здорово опоздала ко мне на свидание? И еще - когда я не захотел сходить с тобой в кино. Какими же мы были счастливыми дураками! Теперь я готов ждать тебя хоть всю жизнь, лишь бы ты пришла! А кино... Конечно, сидеть с тобой рядом и зачем-то смотреть на экран - серьезное испытание, но я постараюсь выдержать. И надо - ты права! - надо поехать вдвоем в Коктебель. Там, в Коктебеле, когда будет у нас общий дом, много времени, мы и сходим в кино, обещаю! Честно буду смотреть все, что покажут - от начала и до конца, - а к тебе приставать не буду, клянусь! Потом мы искупаемся в ночном море и пойдем домой - пить чай, разговаривать, сколько душе угодно, потому что впереди у нас целая ночь. А еще обещаю чинно гулять по набережной и беседовать с какой-нибудь Зоей и даже - если тебе уж так хочется - еще раз сходить в кино, хотя, по-моему, это глупо.

За время болезни я постарел на сто лет - помудрел, что ли, - и стал неприлично сентиментален, но почему-то этого не стыжусь. Послушай, а ведь сантименты - это же просто чувства, за что они высмеяны, скажи? Вчера приснилось, что я открыл почтовый ящик, а там письмо - от тебя, живое! Положил его в карман пиджака, и оно сразу согрело мне сердце: стало тепло и легко дышать, понимаешь? Проснулся - а мне так хорошо, как было давным-давно, до болезни.

Человек быстро привыкает к хорошему, и я как-то забыл, что все хорошее - от тебя. Теперь вспомнил, потому что без тебя ничего не осталось. Стыдно признаться, но я и сыну не рад - он вчера приходил. По-прежнему разговариваю с тобой дни и ночи, с мыслями о тебе засыпаю и просыпаюсь, а теперь еще буду ждать письма. Даже если ты меня больше не

любишь, все равно напиши: из милосердия. Раньше я смеялся над тем, что, разлюбив, предлагают дружбу, а теперь готов даже и на нее, хотя не очень-то представляю, как это может у нас получиться. Но, если надо, я научусь! Только не пропадай из моей жизни совсем.

Пора заканчивать письмо, а я все оттягиваю тот миг, когда опущу его в ящик и стану ждать, ждать, ждать... Боюсь. Что уж там скрывать от себя (и от тебя тоже) - боюсь: вдруг не напишешь? Знаешь, что я еще понял? Для Ольги лучше, чтобы я умер, чем ушел к другой. Для нее я давно уже не свободный человек (а может, и не человек вовсе), а ее собственность, и эту собственность она не отдаст никому. Если я что-то такое замыслю, меня просто вздернут на Красной площади. Костя на днях сказал: "Большинство мужиков боятся своих жен". Похоже, он прав. Какое оскорбительное открытие!

Не добивай меня, медвежонок.

Твой Дима.

9

Если бы можно было позвонить, чтобы сразу его успокоить! Когда-то договаривались, что в крайнем случае... Это когда болела Софья Петровна. Может, теперь и есть такой случай? Так ведь точно же трубку возьмет Ольга.

Натка нервно ходит по комнате. А если послать телеграмму нейтральную, но так, чтоб он понял? Нет, не пойдет: их давным-давно зачитывают кому попало по телефону. Так однажды прочли телеграмму от Димы: что ждет, скучает. Мама добросовестно нежные слова для дочери записала, а Натка кричала, плакала: "Как они смели? Как ты могла?" Испуганная Софья Петровна клялась, что никогда больше такого не сделает, что она растерялась, что ей просто сказали: "Квартира пятнадцать? Вам телеграмма, слушайте!" - и тут же все прочитали.

Остается, значит, письмо. Она напишет его прямо сейчас, добежит до метро и опустит в ящик. Завтра утром письмо уйдет. Сколько будет оно путешествовать по Москве? Натка снова и снова рассматривает конверты, вникает в невнятные штемпеля. Как по-разному эти письма к ней добивались! Одно тащилось три, нет, даже четыре дня, а это, опущенное последним, прилетело в тот же день птицей, обогнав предыдущие. Самые же первые лежали, накапливаясь, в ее районе, на почте. Почему? Зачем? Ведь каждый день носят газеты, что стоит захватить письмо? Риторический вопрос, если не глупый...

Не хочу, чтоб ты думал, будто я тебя бросила, - торопливо пишет Натка, хотя понимает, что спешить бессмысленно: сегодня письмо все равно не вынут. - Просто в какой-то момент у меня кончились силы, и я решила переломить судьбу. Но судьба - на то и судьба: переделать ее невозможно, и я тоже без тебя вроде как не живу. Могу подписаться под каждым твоим словом, дорогой ты мой! И у меня из жизни ушла радость. И я как будто никого не люблю, хотя, конечно, это не так: не могла же я разлюбить маму и дочь? Не уверена, что внятно выражаю свои мысли, да это, скорее, и не мысли, а так, ощущения. Все вокруг померкло, подернулось серой густой пеленой, и я очень несчастна.

Похоже, и я помудрела за время нашей разлуки на сто, тысячу, миллионы лет и понимаю теперь, как же нам повезло! Целая цепь случайностей привела нас друг к другу. Страшно подумать, что было бы, если б не поехала я тогда в Коктебель, если б Ольгу - прости! - не свалила стенокардия. Пишу "прости", но знаю, что тебе и прощать меня не придется: все стало на свои места, это имя для нас теперь не запретно, и я понимаю, что ты связан с ней навсегда, как я, например, с моей мамой. И это тоже любовь, только другая, и у

нее есть тоже свои права. Не знаю, что будет дальше, но сейчас, прожив без тебя мучительно долгие дни, недели, я так ценю жизнь, как никогда, мне кажется, не ценила. И всех понимаю.

Скорее, скорей позвони! Неужели я снова услышу тебя, а потом увижу? Изю всех сил стараюсь не думать об этом, не представлять ничего: теперь, когда осталось ждать так недолго, ожидание нестерпимо.

В Ялту съездила на редкость удачно. Потом расскажу. Приехала, а тут твои письма. Неведомому Косте такое спасибо! И ты прав: никто не должен страдать от того, что мы любим. Нам и так досталась сказочная награда, а за что - неизвестно. Перст судьбы: "Вот этим - счастье!"

Все! Заболталась. Бегу опускать письмо.

Твоя Натка.

И через неделю раздался звонок.

- Можно Наташу? - спросил совсем незнакомый голос.

- Слушаю...

Сердце рванулось и покатилося куда-то вниз.

- Узнал по справочной ваш телефон... Столько раз опускал для вас письма... Я - Костя...

Какой Костя? Что за Костя? Ах, Костя... Уши вдруг словно заткнуло ватой, и сквозь эту вату, пробиваясь сквозь тонкий, противный в мембране свист, долетели до Натки, не складываясь друг с другом, непонятные, бессмысленные слова:

- Ольга меня просила... Она, знаете ли, получила письмо... Уже потом, после...

"После чего? Говори, да говори же!" - беззвучно кричала Натка, шевеля застывшими, замороженными губами, из которых не вылетало ни звука.

- У него, понимаете, оторвался тромб... Прямо в сердце... Во сне... Нет, вы не думайте, он не мучился, он вообще ничего не почувствовал... А ваше письмо пришло на следующий день, оно теперь у меня. И другие письма за все годы, и фотографии, - у него был такой, знаете, ящичек... Может, отправить почтой? Или давайте встретимся? Але? Что вы молчите?

10

Вот и год прошел - без Димы. Целый год... Только год... А сколько пустых, мрачных лет еще впереди...

Вначале было жить невозможно. Натка даже ходила к врачу, и он учил ее спать, есть и хоть как-то работать. На заводе многое делала за нее Галя, тем более что дел становилось все меньше. Но потом Вадим придумал какой-то трюк, в общем-то спекуляцию, которая теперь почему-то называлась коммерцией, и пришлось включиться.

- Через полгода станет легче, - обнадежил врач и оказался прав: она научилась спать - правда, с пилюлями, - перестала плакать и смотреть в одну точку, пугая маму и дочь, и даже иногда садилась за письменный стол - пока что безрезультатно.

А Дима все время был рядом и, чем мог, помогал: приходил ночами, гладил по голове, смотрел ласково, беспечально и таял под утро. "Ты только совсем меня не бросай", - просила Натка, и он кивал, обещая. И так - целый год, только в последнее время все реже и реже...

Какой душный, какой жаркий август! Не в пример прошлогоднему, когда все так истово и наивно защищали нашу сомнительную демократию. Натка приходит домой измученной: много суеты с коммерцией - масса звонков, факсов, переговоров... Звонят и домой, иногда ночью, как, например, вчера Красноярск, где разница во времени шесть часов, а днями линия занята. Изобретательство, патенты - все в прошлом. Не требуются теперь ни таланты,

ни знания. Но многие Натке завидуют: получает она неплохо, а завод спасибо Вадиму - кое-как приспособился к новому времени.

Натка приняла душ, переделалась, нехотя пожевала что-то и села к столу. Слева, в ящике, ее и его письма, и она читает их вперемежку, и получается, что они разговаривают. И еще есть у нее фотографии. Счастливая до неприличия, сидит она у могилы Волошина - в сарафане и босоножках, а на голове Димин носовой платок. Солнце яркое-яркое, а она такая юная и веселая, что просто не верится, что все это было не так уж давно. А вот Дима - на той же скамье и такой же счастливый. Хороший человек Костя: принес все, что нашли после Димы. И можно читать и смотреть, вспоминая.

Дима... Его руки, волосы и глаза... Где же ты сам, Дима? Я все хожу в церковь: оставляю записки, как меня научили старушки, и ставлю свечки. Хотя я так и не поняла, верил ли ты в Бога. Ты что-то писал о космосе, может, это и есть Бог? Не обязательно же он в нашем, человеческом облике. Если бы я была верующей, то пошла бы на исповедь и спросила... Ах, Господи, как без тебя плохо, если б ты знал... Но ты, я думаю, знаешь. Помоги мне, если ты есть где-нибудь...

Хлопнула дверь. Это пришла Лена. Со своим английским она теперь нарасхват, как бы не бросила университет: сместилась система ценностей. На робкие призывы матери, ее смешные слова о благе высшего образования, срываясь, кричит:

- Ты всю жизнь прожила на грани нищеты с этим своим высшим образованием!

- Но сейчас...

- Что сейчас?

- У меня совсем неплохая зарплата.

- Да Генка мой за полдня получает твой месячный заработок!

- Ну и что?

- А то! - Постоянная печаль матери тревожит и раздражает Лену. - Вот ты, например, можешь нанять машину? А он может! И костюм у него от Лемонти! А смотри, какую он подарил мне сумку! Он совсем другой человек - высшего качества!

- Еще бы, - горько усмехается Натка. - "Твикс - сладкая парочка"!

- Да, он торгует в палатке! - не сдается Лена. - У него столько денег, сколько тебе и не снилось.

- Деньги - далеко не все, - вяло сопротивляется Натка.

- Нет - все! - в пылу полемики перегибает палку дочь. - Вот возьму и выйду за него замуж!

"А что? И выйдет", - пугается Натка, но виду не подает.

- Тебе с ним будет неинтересно, - вздыхает она. - Он ничего не читал, мало знает.

- А что мне дали твои драгоценные книги? Ну скажи, что? - наступают Лена, и Натка с печалью думает, что это уже не ее слова и не ее мысли.

- Взгляд на мир, вот что... Эти книги станут между вами стеной, и очень скоро.

Слабость такая, что кружится голова. Лена взглядывает на мать и пугается.

- Ну, ладно, ладно, - бормочет она. - Ни за какой замуж я пока что не собираюсь.

- Ты только биофак не бросай, - просит Натка.

- Не брошу, - великодушно обещает Лена.

К биофаку ее готовил Дима. Радовался, что Леночка станет биологом. Опять Дима...

- Приготовься: первый год будет невыносимо, - предупреждала Галя. Потом станет легче.

- Но я не выдержу! - рыдала Натка.

- Выдержишь... Все выдерживают.

Галя знала, что говорит: ее муж умирал долго, мучительно.

- Я даже не могу приходить к нему на могилу, - исходила слезами Натка. - Почему?

Скажи, почему?

- Ты знаешь, - отвечала Галя. - Там есть права.

- А у меня?

- У тебя - нет. Любовь часто бесправна...

Уже совсем темно, а Натка все сидит за столом, не зажигая огня. Как странно, что Дима никуда не делся и совсем ее не покинул. Как хорошо. В чем-то стал даже ближе, потому что не с кем его делить и никуда он от нее не уходит. Может, как раз об этом он и писал, словно предупреждая? Перед смертью старался все объяснить? А она не очень-то его поняла. Сейчас понимает: души их слились воедино.

Натка смотрит в окно, на потемневшее небо с первой звездой. "Я же ни во что такое не верила, - думает она, - а теперь все время чувствую его рядом. Может, я сошла с ума? Но с ума сходят, говорят, незаметно, и таких вопросов себе не задают..."

- Что ты сидишь впотьмах?

Мама вошла так тихо, что дочь ее вздрогнула. Вспыхнул, ударил по глазам свет.

- Скорее включай вторую программу! Там сейчас Зину будут показывать!

Мама так и светится торжеством: ее старшая дочь процветает, у нее наконец-то все хорошо, все прекрасно!

- Российский канал? - встает из-за стола Натка.

- Ну да, я же говорю, вторую программу! - Мама суетливо усаживается в кресло. - Где все они заседают... Скорее, а то пропустим!

Натка включает телевизор. Чтоб не обидеть маму, садится рядом.

- Знаешь, как ее ценят, - со скрытой укоризной в голосе говорит мама. - Помощник депутата - это, знаешь ли, не какой-нибудь инженер.

Она взглядывает на дочь. Та молчит.

- У них и буфет свой, и обеды! А какая загородная вилла! - Мама, чуть запнувшись, старательно выговаривает новое, зарубежное слово. - Они там вроде работают, что-то обсуждают, решают, но в основном отдыхают, конечно. Зина и Ларочку свою там пристроила, и ее мужа. Ты бы тоже попросила, а?

- О чем? - рассеянно спрашивает Натка.

- Чтобы она тебе помогла! - сердится на ее непонятливость мама.

- А мне не нужна помощь, - устало говорит Натка. - И в службу я не гожусь.

- Ну зачем ты так? - обижается мама.

На экране зал заседаний. Коренастые депутаты с удовольствием новичков нажимают кнопки... А вот и фойе: перерыв.

- Где же Зина? - волнуется мама. - Ох, вот она! Смотри, смотри! Софья Петровна хватает Натку за руку, стискивает, трясет. - Видишь, видишь?

Через парадный зал идет Зина - нарядная, деловая, с листками в руках. Проходит совсем близко от камеры, стрельнув в объектив глазами.

- Ну, видела?

И тут звонит телефон. Софья Петровна радостно хватается трубку.

- Смотрели? - захлебывается от восторга Зина.

- А как же! - кричит в ответ Софья Петровна. - Какая же ты у меня красавица! Только очень уж быстро...

- И Натка видела? - ревниво спрашивает Зина.

- Да-да, конечно!

- Ты ей сказала, что я могла бы похлопотать?

Софья Петровна испуганно косится на младшую дочь.

- Не-е-ет...

Натка догадывается, о чем примерно идет речь. Бедная мама! Как она сдала за последний год... С Наткой ей неинтересно и скучно - та все больше молчит и о чем-то думает, - с Зиной теперь месяцами не видится. А как же! Зина ведь - государственный человек: пропадает на сессиях и приемах, непременная участница всевозможных шествий и манифестаций. Недавно со своим депутатом слетала в Париж: устроила ему грандиозный скандал и слетала.

- Знаешь, как он перетрусил? - смеялась Зина. - Я ему, прохвосту, все высказала! Я за него расписываюсь, голосую, а как Париж... Он мне - воды, а я как двину стакан, все бумажки его залило...

Молодец Зинуля: своего добьется всегда, не то что Натка. Приехала радостная, нарядная - специально пришла показаться, - привезла матери маленькую такую баночку с джемом.

- Ну что ты, Зиночка! Зачем тратилась?

- А они там лежат на столах - бери сколько хочешь.

Натка как-то странно хмыкнула, и Зина обиделась. А Софья Петровна поставила баночку на стул, рядом с кроватью, открывать не стала. Пусть постоит, такая прелесть!

Да, девочки ее раздружились... Софья Петровна сидит в кресле, думает свои горькие думы, покачивая седой головой с жиденькими волосиками, беззвучно шевеля сухими губами. Натка набрасывает ей на плечи шаль:

- По-моему, тебе холодно.

"Вот, Дим Димыч, какие дела, - продолжает она свой обычный разговор с Димой. - Скажешь, надо терпеть? Стараюсь... И вот что еще я решила, Дим: пора возвращаться мне к чертежам, хватит ерундой заниматься, правда? Даже если за нее хорошо платят. Не может быть, чтобы все, что я знаю, было бы совсем никому не нужно! Завтра поговорю с Вадимом, обещаю тебе, не смотри на меня так укоризненно..."

- Мам, пожевать есть? - В кухню влетает Лена, врубая по пути телевизор. - Ух ты, картошка!

Грохот очередной бит-группы заставляет содрогнуться посуду в шкафу.

- Сделай потише, - просит Натка.

- Что ты, мам! Такие крутые ребята! Слушай, что было на факультете...

Она ест картошку, с хрустом грызет огурец и рассказывает, рассказывает...

- Что вы тут делаете? - входит в кухню Софья Петровна.

- Садись, бабуль! - кричит Лена. - Смотри, что я купила к чаю!

Да, конечно: надо терпеть, любить и надеяться, смотрит на них Натка. Надо иметь мужество жить.

Москва - Коктебель, 1994 год